ЖОРА ХАРАКС

СВИДЕТЕЛИ НЕВОЗМОЖНОГО

За сутки до смерти

Книга первая

ЖОРА ХАРАКС

Свидетели невозможного. За сутки до смерти

«Автор»
2026

ХАРАКС Ж.

Свидетели невозможного. За сутки до смерти / Ж. ХАРАКС — «Автор», 2026

За сутки до смерти журналист Павел Рябинин получает шанс разоблачить шоу, построенное на чужих страхах. Экстрасенс Аглая Чернова называет дату, время и место, где его найдут. Предсказание запечатано под наблюдением эксперта. Но Павел уверен: чудо может оказаться постановкой. В архиве проекта «Белая комната» он обнаруживает подменённые интервью и сведения, которые не должны были покидать закрытые записи.На следующий вечер Павла находят в тёмной воде. Зрители видят трагедию с задержкой в шесть минут — и принимают совпадение за доказательство пророчества. Следователь Михаил Кравцов начинает расследование: часы камер расходятся, свидетели противоречат друг другу, каждый знает лишь часть правды.Кто превратил предсказание в ловушку? Кто продал чужое прошлое — и кто решил, что ради молчания можно дать человеку утонуть? Интеллектуальный детектив о манипуляции памятью, цене сенсации и границе между верой и доказательством. Предсказание сбывается не по воле судьбы: кто-то подготовил условия.

© ХАРАКС Ж., 2026
© Автор, 2026

ЖОРА ХАРАКС
Свидетели невозможного.
За сутки до смерти

ЖОРА ХАРАКС
СВИДЕТЕЛИ НЕВОЗМОЖНОГО
Книга первая
За сутки до смерти

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. Шесть минут
Глава 1. За сутки до смерти
Глава 2. Правила безопасности
Глава 3. Человек за дверью
Глава 4. Шесть минут чужой жизни
Интерлюдия I. Кассандра. Цена предупреждения
Глава 5. Право на ошибку
Глава 6. Испытуемая
Глава 7. Пустое кресло
Глава 8. Время, которого не было
Глава 9. Письмо мёртвого человека
Глава 10. Женщина с ожогом
Интерлюдия II. Эдип. Другая дорога
Глава 11. Не спасать до сигнала
Глава 12. Второй передатчик
Глава 13. Вход под чужим именем
Глава 14. Четыре минуты
Глава 15. Чужая вина
Глава 16. Петля
Интерлюдия III. Мойры. Нить и ножницы
Глава 17. Точная минута
Глава 18. Нулевая подсказка
Глава 19. Цена прямого эфира
Глава 20. Ложный спасатель
Глава 21. Кто продал прошлое
Глава 22. Одна минута
Интерлюдия IV. Антигона. Право сказать нет
Глава 23. Человек у мостика
Глава 24. Право не знать
Эпилог. Свободный выбор

Пролог. Шесть минут

Без одиннадцати минут девять Павел Рябинин уже не хотел никакой сенсации. Ни записи, за которую столько торговался, ни разоблачения, ни собственного имени в завтрашних заго-

ловках. Светлая лестница за стеклом находилась так близко, что он различал потёртость на третьей ступеньке. Добраться бы до неё. Позвонить матери. Выслушать, что он опять не поел.

За спиной хлопнула металлическая дверь.

В техническом коридоре пахло нагретой изоляцией. Под подошвами потрескивали крошки засохшего герметика. Павел налетел на дверь с надписью «ВЫХОД» и дёрнул ручку. За узким стеклом белела лестница — обычная, служебная, без всяких загадок. Между ними оставалась толщина двери.

Он ударил плечом. Дверь не поддалась. С внутренней стороны её удерживала поперечная металлическая планка.

— Эй! Есть кто-нибудь?

В ответ щёлкнуло реле.

В дальнем конце коридора появился человек в тёмной рабочей куртке. Свет лампы падал ему за спину. Лица Павел не различал; на рукаве возле запястья белела узкая полоса.

— Я уже всё передал, — сказал Павел.

Это была ложь. В кармане лежала карта памяти, полученная меньше часа назад. Павел успел посмотреть два фрагмента. В одном семнадцатилетняя Марина Белова говорила, что не помнит слов экстрасенса. После склейки она произносила те же слова как несомненный факт. В другом Даниил Вельский учил Аглаю закрывать глаза и описывать воду, металл, опасность. Если верить названию файла, перед ним был полный исходник. Но монтаж выдавал себя короткими скачками освещения.

Незнакомец сделал шаг.

— Хотите карту? Возьмите. Только пропустите меня.

Вместо ответа человек приблизился.

Павел отступил от выхода и побежал к нижней лестнице. Он уже бывал в насосной во время дневной подготовки. Там находился мостик над старым резервуаром. Вся съёмочная опасность должна была ограничиваться освещением и монтажом. «Никто не войдёт в воду», — сказал тогда продюсер с тем видом, с каким обычно произносят «всё под контролем».

Металлические ступени задребезжали под ногами. Внизу было холодно. Над резервуаром висели осветительные панели; отражения превращали неподвижную воду в чёрное стекло. Впереди — ещё одна закрытая дверь. Слева — узкая площадка. Павел обернулся и увидел преследователя у начала мостика.

— Послушайте, — сказал он, переводя дыхание. — Я журналист. Если вы меня тронете, этим всё только усложните.

Человек молчал.

— Хорошо. Забирайте.

Павел вынул карту и поднял над ладонью. Он надеялся выиграть секунду. Подошва скользнула по влажному краю настила. Карта вылетела из пальцев, ударилась о стойку и исчезла в промежутке под площадкой. На мгновение Павел увидел, как маленький чёрный прямоугольник зацепился за поперечную балку.

Он потянулся к нему — нелепый, рефлекторный жест человека, который ещё не понимает цены движения. Нога ушла вбок. Перила ударили по бедру. Он ухватился за холодный металл, повис, безуспешно попытался перебросить ногу и сорвался.

Вода отняла дыхание прежде, чем страх успел обрести слова.

Павел вынырнул. Вдохнул вместе с водой. Закашлялся. Поплыл к лестнице. Нижняя перекладина оказалась высоко: при испытании декораций никто не проверял, сможет ли человек из воды ухватиться за неё без помощи.

— Помогите! — закричал он.

На мостике кто-то остановился. Возле стены стоял спасательный шест, Павел видел его ещё днём. Он вытянул руку так высоко, что больно повело плечо.

— Сюда! Петлю сюда!

Конец шеста опустился. Павел схватил петлю обеими руками. Она натянулась, повела его к лестнице. Ещё полметра, и можно будет достать железную ступень.

Затем усилие изменило направление.

Его развернуло боком. Петля соскользнула к плечу. Павел ударился о воду, снова попытался ухватиться за лестницу — и почувствовал, что шест отводят в сторону. Сначала он подумал, что спасатель не умеет им пользоваться. Но движения наверху были спокойными и точными. Человек видел лестницу. Видел руку, которую Павел тянул к ней. И каждый раз увёл шест прежде, чем пальцы достигали опоры.

— Что вы делаете? — выдохнул Павел.

Ответа не было. Где-то за стеной зашипела радиостанция.

— Там кто-то зовёт! — произнёс далёкий мужской голос.

Павел поднял голову. Услышали. Теперь обязательно придут.

После короткого треска прозвучало другое:

— Не заходить. До сигнала две минуты.

Он не понял, о каком сигнале речь. Вода не держала его достаточно высоко, чтобы разглядеть лицо наверху. Белая полоса возле рукава мелькнула в свете лампы. Шест исчез.

Павел снова поплыл к стенке. Ему вспомнилась мать. Она звонила накануне и спрашивала, ел ли он. Павел отвечал так, будто названия блюд были самым страшным допросом в его жизни. Он обещал позвонить вечером.

Теперь обещание стало труднее выполнить.

Павел ударил по воде, втянул воздух, не сразу понял, что это вода, и исчез под поверхностью.

✦ ✦ ✦

В 21:17 третья техническая группа вошла на мостик. Оператор навёл камеру на резервуар, остановился и опустил её.

— Человек! Там человек!

Вызвали помощь. Достали спасательные средства. Начали реанимацию. Одни сотрудники пытались действовать, другие стояли, не понимая, как съёмка могла превратиться в настоящее происшествие. Камера на полу продолжала записывать. Позднее её исходный файл станет частью материалов расследования.

При этом телевизионная система жила другой жизнью: задержанный поток шёл к зрителям приблизительно шестью минутами позже. Около 21:23 на экранах появился резервуар, который к тому моменту уже окружили медики. Режиссёр приказал убрать изображение.

Вера Нестерова стояла в коридоре технического этажа. Она приехала проверить съёмочную процедуру, и в папке у неё лежали подписи под актом о конверте. На мониторе мелькнула вода. Вера захлопнула папку, так и не разобрав последнюю строку.

За дверью продолжали бороться за Павла. Потом вышел врач. По его лицу Вера поняла ответ раньше, чем он заговорил.

Она нашла в телефоне номер журналиста и нажала вызов. Долгие гудки оборвались знакомым автоответчиком:

— Это Павел. Если звоните с сенсацией, изложите её кратко. Если с угрозой — оставьте фамилию и номер. Если вы моя мама, я поел.

Вера закрыла глаза.

Вчера Вера собственноручно проверяла целость конверта. Теперь перед ней лежала папка с теми же подписями, а за дверью не подавал голоса Павел.

Глава 1. За сутки до смерти

17 октября 2026 года, суббота.

Павел Рябинин расписался в согласии на собственное исчезновение в десять часов четырнадцать минут утра.

Подпись вышла неразборчивой. Юрист телекомпании подтолкнула к нему экземпляр договора.

— Здесь указана ваша фамилия печатными буквами, — сказала она, заметив, как он разглядывает росчерк.

— Удобно. Если исчезну, хотя бы не придётся искать моего нотариуса.

— Вы ознакомились с правилами безопасности?

— Ознакомился. Особенно с пунктом, где организатор вправе изменять маршрут в пределах производственной необходимости. Хотел бы узнать, кто определяет необходимость.

— Координатор съёмки.

— А кто координирует координатора?

Юрист взглянула на часы.

— Вы добровольно подписываете договор?

Павел поставил вторую подпись.

— Добровольно, с признаками профессиональной деформации.

Двенадцать лет назад здесь снимали «Белую комнату». Люди приходили со снимками пропавших детей, с обидами на умерших, с последними фразами, за которые было стыдно. Позже эти подробности начинали звучать на платных сеансах у чужих людей. Павел не знал, как они туда попадали, и оттого согласился участвовать в воскресной съёмке: двери технических коридоров перед журналистом закрывались, перед участником шоу — открывались.

Ещё ночью Павел раскрыл на кухонном столе две папки и обнаружил, что они плохо уживаются рядом. На одной значилось: «М. Белова, материалы для эфира». На другой — только номер служебной записи. Первая папка содержала убедительную историю: девушка, потерявшая сестру, экстрасенс, страшные слова, молчание, слёзы. Во второй были сухие вопросы интервьюера. Сомнение. Просьба повторить. Перерыв. И опять тот же вопрос, чуть иначе сформулированный.

Павел не опубликовал найденные фрагменты. На границе двух кадров едва заметно менялся свет, но такая склейка ничего не говорила о том, что было вырезано. Он позвонил бывшему монтажёру; тот сперва попросил не называть фамилию, потом всё-таки вспомнил номер рабочего диска.

— Ты меня спрашиваешь, делали ли мы склейки? На телевидении? — переспросил монтажёр. — Паша, у тебя температура?

— Я спрашиваю, сохраняли ли доэфирные версии.

— Пока сервер не умрёт. Потом как повезёт.

— А у кого пароль?

— Пароли уходят на пенсию реже людей.

Павел записал фразу. Потом вычеркнул. Она была хороша для колонки, но бесполезна для расследования.

Он отправил собеседнику номер записи. Ответ пришёл не сразу: «Папка не моя. Она из закрытых интервью. К ней даже нас не всегда подпускали». Следом: «И никогда не говори, что я это сказал».

Павел выключил телефон и достал из ящика маленький переходник для карт памяти. Старую вещицу он возил с собой со времён командировки, когда вынужден был копировать данные из сломанной фотокамеры. Положил переходник в карман куртки вместе с блокнотом. Он не знал, получит ли завтра носитель. Но хотел быть готовым прочитать его раньше, чем владельцы системы передумают.

В прихожей висело зеркало. Павел остановился перед ним и попытался понять, выглядит ли человек, добровольно подписывающий договор на публичное исчезновение, особенно

самоуверенным. В зеркале стоял тридцатилетний журналист с невыспавшимся лицом и пятном зубной пасты на воротнике. Отважный исследователь границ сознания выглядел так, будто опаздывал к стоматологу.

Дома Павел сменил рубашку и положил в сумку второй блокнот. В первом были фамилии, даты и номера файлов; второй он никому не показывал. На его первой странице стояло «Вельский». Павел зачеркнул имя, подождал, пока высохнут чернила, и только тогда закрыл блокнот.

Возле кофейного автомата его догнала Вера Нестерова, приглашённая независимым наблюдателем при запечатывании предсказания.

— Опять подписал, не читая?

— Читал. Потому и подписал: если соглашусь с каждым пунктом, перестану быть журналистом.

— Ты собираешься участвовать в съёмке или собирать компромат?

— Это зависит от того, попадётся ли компромат сам.

Вера остановилась. Когда Павел произнёс «Белая комната», её лицо сделалось неподвижным.

— Я работала на этом проекте, — сказала она.

— Помню. Поэтому и спрашиваю тебя первой.

— Что у тебя есть?

— Копия описи. Номер П-4 и слова «Нулевая подсказка». Подробностей пока нет. Я хочу ранние интервью, до монтажа.

Она забрала у него лист, посмотрела и вернула.

— Названия недостаточно. П-4 могло означать десятки разных процедур. Докажи, что это тот же документ.

— Поможешь?

— Проверить происхождение — да. Назначить виновного — нет.

Он улыбнулся:

— Знаю. Я потому и прихожу к тебе, что ты портишь хорошие версии.

Вера задержала его возле автомата, который уже дважды взял деньги и не выдал напиток. Она нажала кнопку возврата. Ничего не произошло. Павел наблюдал с интересом.

— Ты всю жизнь разоблачала людей, продающих пустые обещания. Начни с этой машины.

— У неё хотя бы есть инструкция по эксплуатации. Покажи, что у тебя ещё.

Он вынул телефон и нашёл снимок старой описи. Края документа были обрезаны; номер страницы не попал в кадр. Вера приблизила изображение, проверила дату, потом посмотрела на него.

— Кто снимал?

— Источник.

— Оригинал видел?

— Нет.

— Тогда ты не знаешь, существует ли этот лист в том виде, в каком его показывают.

— Знаю, что он очень нервирует бывших сотрудников.

— Нервничать можно и от неправильной дозы кофеина. Не строй на этом обвинение.

Павел убрал телефон. Мимо прошла девушка с папкой пропусков; Вера поздоровалась с ней по имени и спросила, остались ли в старой монтажной комнате локальные рабочие диски. Девушка ответила, что помещение теперь используют под технический склад, а доступ выдаёт администрация. Вера не стала просить открыть дверь. Павел заметил это.

— Ты боишься туда входить?

— Боюсь войти без разрешения, а потом всю неделю слушать, будто украла документы.

— Это тебя останавливает?

— Иногда взросление выглядит именно так.

Она посмотрела на него серьёзнее.

— Павел, в 2014 году я заставляла людей повторять ответы. Мне казалось, это помогает им точнее выразить мысль. Сейчас я понимаю, что иногда добивалась совсем другого результата. Если обнаружишь подлог, не позволяй мне спрятаться за словами «так принято на телевидении». Но и не решай за меня заранее, что я знала о каждом файле.

Он хотел пошутить. Не смог.

— Договорились.

— И ещё одно. Когда человек приходит с чужим признанием, спроси, на каких условиях его записали. Иногда вопрос важнее ответа.

Павел протянул ей руку, как перед официальной сделкой. Вера пожала.

Кофейный автомат наконец выдал стакан пустой горячей воды.

— Вот, — сказала она. — Получили наглядное пособие к нашей профессии.

— Без кофе?

— Зато со всеми признаками услуги.

✦ ✦ ✦

В павильоне было жарко. Аглая Чернова стояла у белого кресла, перебирая край рукава. Даниил Вельский говорил рядом с ней мягким, чуть утомлённым голосом человека, который привык, что его слушают до конца.

— Ты снова видела воду?

— Металл. Человека, который не может выбраться.

— Это мог быть сон.

— Вы говорили вчера иначе.

— Вчера ты хотела, чтобы я сказал иначе.

Аглая опустила глаза. В сумке лежала синяя тетрадь; на странице — четыре слова: «Вода. Металл. Павел. 21:17». Воду она помнила отчётливо. Когда возникли имя и время — нет. В пятницу звонили из производства, присылали приложение к письму. Ей хотелось открыть его снова, но конверт уже лежал на столе перед камерами.

Вельский предложил выйти из павильона. Там, за тяжёлой дверью, было прохладнее, и переставали быть слышны реплики ведущей. Аглая присела на подоконник. От близости съёмки у неё мерзли пальцы.

— Вы вчера сказали, что повторяющиеся образы важны, — произнесла она.

— Я сказал, что их стоит записывать.

— А сегодня называете сном.

— Сегодня я пытаюсь выяснить, не услышала ли ты чего-нибудь раньше. Это разные вещи.

Она подняла голову. По стеклу ползли дождевые капли. Аглая помнила мокрый парапет и металлический край; лестница то возникала на этом месте, то исчезала. После разговора с координатором картина стала подробней. Какие подробности существовали прежде, она восстановить не могла.

— Мне кажется, если я начну проверять каждый образ, он исчезнет.

— А если не начнёшь, появятся чужие слова, которые ты примешь за свои.

Она удивлённо взглянула на наставника. Тот прежде почти никогда не говорил так жёстко. Вельский отвернулся, поправил манжету.

— Даниил Аркадьевич, вы сомневаетесь в моём даре?

— Я сомневаюсь в телевизионных методах доказательства всего на свете.

— Мы же сами ими пользуемся.

Он помолчал. В коридоре зажужжал пылесос, и уборщица попросила их поднять ноги. Вельский сделал это так торжественно, словно уступал сцену другой труппе.

— Аглая, — сказал он, когда шум отдалился, — не путай уважение к собственным ощущениям с обязанностью назвать их непогрешимыми. Ты вправе отказаться от предсказания.

— А потом объяснять всем, что испугалась?

— Лучше объяснить страх, чем похоронить человека вместе со своей уверенностью.

Он сам вздрогнул от сказанного. Слово «похоронить» оказалось слишком тяжёлым для воскресного рекламного формата.

Аглая закрыла сумку с тетрадью. Она решила всё-таки написать то, что помнила. Без уточняющих вопросов. Без подсказок Вельского. Только ещё не понимала, сколько подсказок может уже находиться у неё в голове.

Игорь Ларин раскладывал радиостанции. По одну сторону стояли аппараты основной группы, по другую — резервный ящик.

— Нижний коридор проверен? — спросил помощник режиссёра.

— По документам. Сегодня ещё один обход. Резервную рацию без отметки со склада не брать, — ответил Ларин.

— Опять ваши бумаги. Мы шоу снимаем, не атомную станцию.

— Тем более постарайтесь не устроить аварию. Для атомной станции хотя бы есть инструкции потолще.

Павел подошёл к нему.

— Вы хранили архив «Белой комнаты»?

— Обслуживал систему. Что именно вам нужно?

— Полные интервью без редакторских склеек.

— Попросите у владельца. По имени файла нельзя судить о содержимом, если это вас интересует.

— Интересует. Умно сказано.

Ларин улыбнулся и ушёл с ящиком. Павел задержал взгляд на резервной рации: координатор поставил её отдельно, за стопкой пластиковых футляров.

Павел проводил его до технического стола. Там на листе раздачи стояли названия групп, номера радиостанций и подписи сотрудников. Один аппарат лежал отдельно — с потёртой антеной и полоской бумажной ленты на корпусе. Помощник режиссёра потянулся за ним.

— Этот не берите, — остановил Ларин. — Сначала проверим совместимость с нижним узлом.

— Он же вчера работал.

— Вчера не значит сегодня.

Сказано было без раздражения, почти дружелюбно. Помощник убрал руку. Павел отметил, что человек без начальственной должности способен остановить работу одной фразой, если остальные считают его незаменимым.

Ларин открыл металлический шкаф. Папка с актами едва не выпала на пол. Павел поднял её и увидел заголовок: «Технический доступ. Архив». Координатор спокойно забрал папку.

— Благодарю. Здесь не то, что вы ищете.

— Вы даже не знаете, что я ищу.

— Вы ищете человека, который разрешит вам открыть старые записи. Бумага с разрешениями на рации вам мало поможет.

Павел улыбнулся.

— Вас трудно застать врасплох.

— Здесь каждые десять минут что-нибудь ломается. Если всякий раз удивляться, ничего не починишь.

Координатор закрыл шкаф. На запястье его рубашки Павел заметил след ручки — обычное синее чернильное пятно. Совсем не то белое вещество, которое позднее будет разглядывать на видеозаписях следствие. Сегодня это была просто деталь, достойная разве что насмешки о вреде бумажного документооборота.

Он ничего не записал. Человек разговаривал ровно и не отрицал очевидного. Если бы пришлось составлять короткую характеристику Ларина для редактора, Павел написал бы: «Компетентный. Осторожный. Знает служебную систему». По этим признакам нельзя ни обвинить, ни оправдать.

✦ ✦ ✦

В производственном кабинете Островский показывал Вере график воскресной съёмки. На строке «Контрольное обнаружение» стояло 21:17.

— Это время назначено заранее, — сказала она.

— Разумеется. Рекламный блок, выход ведущей, контрольный сигнал.

— Тогда нельзя считать совпадение с ним доказательством дара.

— Пусть Аглая сначала назовёт минуту.

— А кто проверял, что она не видела график?

Островский посмотрел на неё с раздражением.

— Ты обещала проконтролировать конверт.

— И проконтролирую. Только конверт не умеет хранить тайну за людей.

Ещё до того как Аглая взяла ручку, Вера проверила не только стол, но и ближайшую часть помещения. Один лист, чистый конверт, две подписи, контрольная камера. Она попросила оператора не останавливать запись из-за смены аккумулятора, а заранее подключить питание. Администратор раздражённо заметил, что наблюдатели никогда не работали на настоящей съёмке.

— Работала, — сказала Вера. — Поэтому и не доверяю словам «мы потом склеим».

Она предложила Аглае не торопиться. Та долго сидела с ручкой над листом. Вера видела, как слегка дрожит кончик стержня. Оператор переступил с ноги на ногу. В соседнем помещении приготовили грим; там пахло лаком для волос и разогретым утюжком.

— Если хочешь, можешь выйти, — сказала Вера.

Аглая покачала головой.

— Тогда я оставлю вас без ответа.

— У меня нет права требовать от тебя ответ.

— У вас есть договор с каналом.

Вера помолчала. Затем подвинула к Аглае стакан воды.

— С каналом договор. С человеком — разговор. Это разные документы.

Аглая не взяла воду. Прикрыла глаза. Несколько раз провела ручкой по бумаге, остановилась, дописала. Вера не читала текст: процедура требовала скрыть содержание до публичного вскрытия. Она следила только за тем, чтобы лист не меняли и никто не подходил к столу.

В конце Аглая сама проверила край конверта. Переложила лист, запечатала клапан. Вера поставила подпись рядом с её подписью, проверила, не отклеивается ли контрольная полоса. Дальше конверт передали в хранение под запись. Сотрудница, принявшая пакет, едва заметно дрожала: она понимала, что теперь за чужие слова будет отвечать ещё и материально.

Когда дверь закрылась, Вера услышала, как Аглая выдыхает. Не облегчённо — словно только сейчас поняла, что уже не может забрать написанное. В коридоре смеялись сотрудники. Для них процедура закончилась успешно. Для Аглаи она только начиналась.

В 15:58 конверт был передан на хранение. Контрольные подписи и полоса остались на записи; содержимое до вечернего вскрытия не показывали.

Аглая побледнела.

— Можно не читать текст? — спросила Вера.

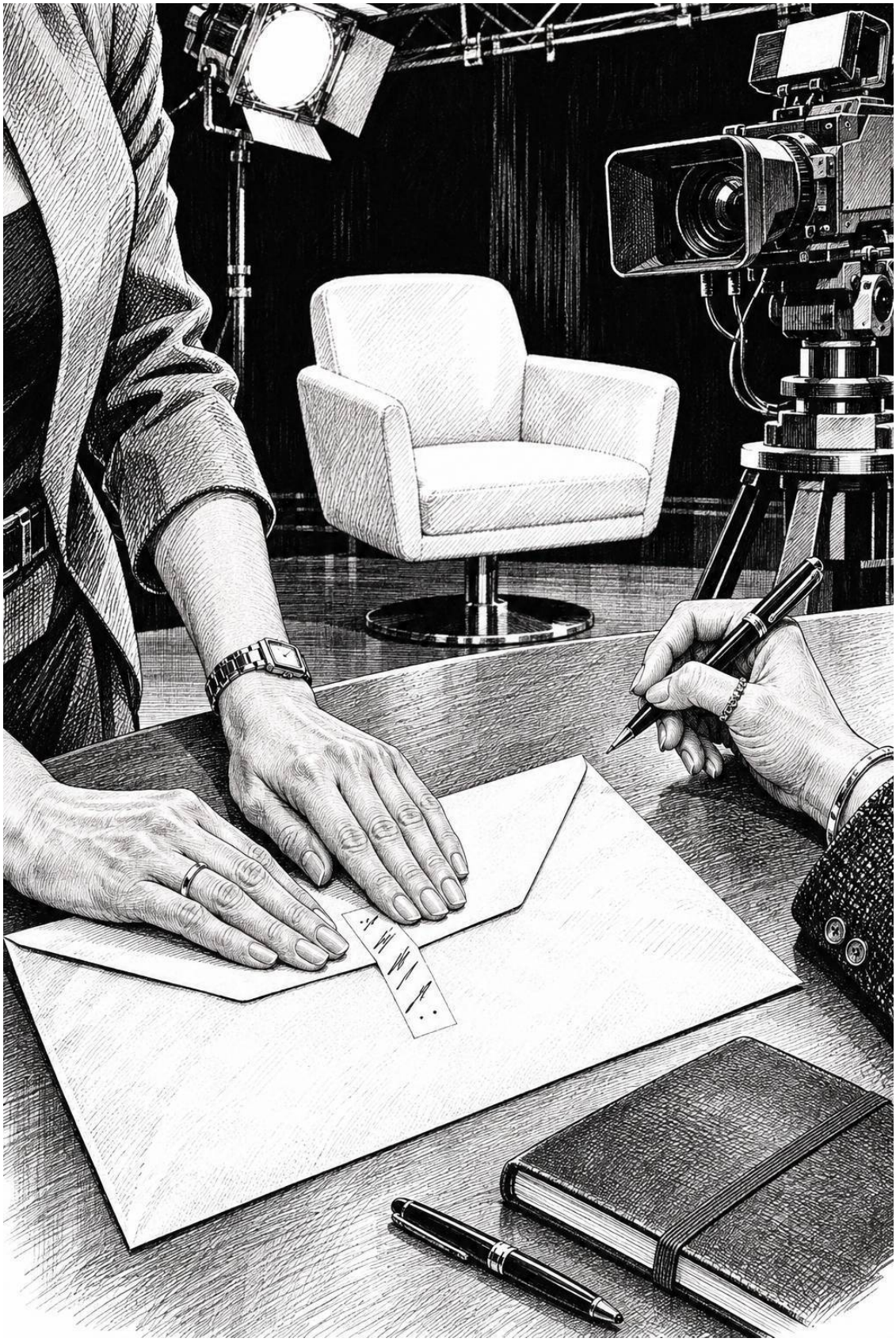
— Я боюсь, что если его прочтут, ему поверят.

— Тогда подумай, хочешь ли ты участвовать.

— Уже поздно.

Вера промолчала. Когда-то именно она говорила участникам, что ещё не поздно выйти под свет софитов.

В 16:02 за стеной зашумел принтер. Администратор унёс лист, не показывая содержание. Вера разговаривала с оператором о контрольных копиях и не придала шуму значения.

✦ ✦ ✦

До эфира Павел встретился с Михаилом Кравцовым в кафе. Тот прочитал договор, разложил его на столе.

— Тебе угрожали?

— Прислали сообщение, что не стоит лезть в архив.

— Сохранил?

— Да.

— Назови источник угрозы.

— Не знаю. А имя моего информатора не скажу.

— Тогда хотя бы сообщи об угрозе официально. И откажись от завтрашней съёмки до проверки маршрута.

— Потеряю доступ.

— К чему? К человеку, который хочет тебя напугать?

Павел помолчал. Михаил увидел, что тот уже принял решение, но всё ещё собирает оправдания.

— Дубликаты материалов существуют? — спросил он.

— Не все.

— Значит, передай допустимые копии кому-нибудь заранее. Не возвращайся за единственным носителем.

— Ты умеешь утешить.

— Это была инструкция, — сказал Кравцов. — С утешениями обращаются в другой отдел.

Мать взяла трубку со второго гудка.

— Паша, ты поел?

— Конечно.

— Что?

— Ты спрашиваешь как мать или как следователь?

— Как женщина, которая знает, что за день ты выпил четыре кофе и съел печенье.

Павел посмотрел на автомат возле гримёрной. Она угадала не всё: печенья не было.

— Макароны, — сказал он.

— С чем?

— С верой в лучшее.

— Опять врёшь.

Он прислонился к холодной стене. За дверью кто-то репетировал аплодисменты. Павел услышал десятки ладоней, хлопающих для камеры, и вдруг захотелось рассказать матери о звонках, архиве, карте памяти, женщине, которая могла выйти к нему завтра. Он представил её испуг и промолчал.

— Завтра будешь занят? — спросила она.

— Немного.

— Видела рекламу. Там экстрасенсы тебя искать собираются.

— Постараюсь не разочаровать.

— Не надо шутить. Позвони вечером. Просто скажи, что всё хорошо.

— Позвоню.

— По-настоящему?

— По-настоящему.

Оставшись один, Павел открыл отложенное письмо. Рядом с номером П-4 написал: «Ищите того, кто знал маршрут». Прочитал вслух и стёр. Хорошая фраза для финального абзаца; для доказательства ей не хватало ни одной подписи. Он оставил только номера интервью и просьбу сравнить вопрос с тем, что участнику показали до него.

В гримёрной ассистентка спросила, какой стороной Павел предпочитает стоять к камере. Он ответил, что стороной, на которой меньше заметна усталость. Девушка серьёзно подумала и предложила снять его со спины. Павел рассмеялся. За последние часы это был первый настоящий смех.

Когда Павел уже собирался уходить, Михаил придвинул к нему листок.

— Запиши два номера: дежурной части и мой. Если будет непосредственная опасность, звони в экстренные службы, не рассчитывай, что я лично окажусь рядом с телефоном.

— Ужасно. Даже дружеские услуги у тебя теперь с регламентом.

— А у тебя опасности без плана.

Павел записал номера. Потом посмотрел на Михаила.

— Ты ведь раньше тоже любил лезть туда, куда не пускают.

— Любил. Потом увидел, как далеко может уйти следствие из-за одного свидетеля, который считает себя умнее всех.

— Это камень в мой огород?

— Попроси его не возвращаться за единственным экземпляром, и, возможно, станет меньше камней.

Они вышли к гардеробу. Павел заметил, что Михаил держит телефон экраном вверх. На нём светилось сообщение от дочери: «Пап, помни про завтра». Следователь быстро набрал ответ.

— Что обещал?

— Сходить на выставку.

— И пойдёшь?

— Если не случится ничего срочного.

Павел хмыкнул.

— Смотри, как бы срочное не стало твоей единственной семьёй.

Михаил посмотрел на него без улыбки. Павел уже собрался извиниться, но следователь первым протянул руку.

— А ты позвони матери. Ты ей тоже что-то обещал.

— Знаешь слишком много.

— Недостаточно, — ответил Михаил.

Павел запомнил эту реплику. Во дворе кафе дождь стал сильнее. Ему вдруг захотелось действительно поехать домой, сделать материал, не участвуя в шоу. Но в телефоне ждала переписка с источником, и через сутки на площадке должна была оказаться женщина, которая могла получить для него данные. Он постоял под козырьком и всё-таки вызвал такси к телекомпании.

Перед выходом Павел ещё раз убедился, что черновик отложенного письма сохранён и назначенное время отправки не изменилось. Телефон он убрал во внутренний карман пиджака.

На сцену вынесли конверт. Подписи были целы. Ведущая вскрыла его и прочла: «Восемнадцатого октября, в двадцать один час семнадцать минут, Павла Рябинина найдут в тёмной воде».

Зал замолчал. Камера повернулась к Павлу.

— Живым или мёртвым? — спросил он.

Ведущая растерялась.

— Аглая не уточнила.

— Значит, у меня ещё есть свобода манёвра.

Зрители рассмеялись. Аглая осталась неподвижной.

— Я верю, что лист запечатали честно, — добавил Павел. — Но с точностью предсказания разберёмся, когда узнаем, кто видел производственный график.

Ведущая попробовала вернуть разговор к привычным вопросам: часто ли Аглая ошибается, как устроены её видения, что она чувствовала перед записью. Павел слушал, ожидая возможности задать главный вопрос, но ему подавали знак не перебивать. Наконец он поднялся без приглашения.

— Прошу прощения. Я не хочу выглядеть человеком, которому не нравится собственное будущее. Но скажите зрителям, кто составляет производственный график.

В зале зашевелились. Островский в режиссёрской наклонился к микрофону и попросил ведущую перейти к другой теме.

— Это организационный вопрос, — ответила та.

— Тогда организационный ответ особенно поможет. Если финал назначен на двадцать один семнадцать, само совпадение ещё не чудо.

Кто-то засмеялся. Другие заволновались. Аглая сидела неподвижно, стиснув край кресла. Она понимала, что Павел говорит о настоящей уязвимости передачи. Но чувствовала себя человеком, которого обвинили на глазах у всех.

После съёмки к Аглае тянулась очередь. Женщина просила сказать, поправится ли муж; пожилой мужчина держал фотографию племянника. Павел уже поднял телефон, но опустил. Он прекрасно знал, какой заголовок получил бы этот ряд встревоженных лиц. Ни один из них не подписывался под тем, что его страх станет доказательством чужой лжи.

Аглая заметила его возле выхода. Подошла, когда от неё наконец отстали. Её голос дрожал ещё до первого слова. Павел понял, что сейчас она не играет для камеры. И оттого вопрос о происхождении предсказания стал для него не легче, а труднее.

За кулисами Островский потребовал убрать крупный план. Аглая перехватила Павла у служебной двери.

— Не приходите завтра.

— Вы знаете, что случится?

— Нет. Но боюсь.

— Тогда скажите, откуда у вас вода и время.

— Не помню.

Павел хотел возразить. Вместо этого посмотрел на её руки — они дрожали.

— Если правда боитесь, помогите проверить. А пророчество оставьте зрителям.

Ночью пришло сообщение: «Исходные материалы "Белой комнаты". Воскресенье, 20:40. Технический архив у третьей студии. Спросите женщину из отдела хранения. Не обращайтесь к администрации».

Павел переписал время встречи с сообщения на оборот чека. Бумага от кофе оставила на пальце бурое пятно. Назавтра ему предстояло выяснить, кто знает об архиве больше, чем готов признать.

Глава 2. Правила безопасности

18 октября 2026 года. Воскресенье.

В 08:17 Павлу позвонили со скрытого номера.

— Не ходите в технический архив.

— А вы кто?

— Человек, который понимает, что вам передадут.

— Тогда объясните мне тоже.

— Не верьте имени файла.

Связь оборвалась. Павел успел записать время и формулировку, но не голос. Телефон ничего не сохранил. Он набрал Кравцова. Тот ответил с кухни, где его дочь Александра пыталась выяснить, верит ли он в предсказания.

— Если тебе называют конкретное место, — сказал Михаил, выслушав Павла, — это уже не газетная ругань. Оформи сообщение об угрозе. И не ходи один.

— Мой источник не хочет огласки.

— Твой источник будет в безопасности, только если ты сам останешься в состоянии сообщить, что с ним произошло.

Павел пообещал подумать. Кравцов положил телефон и обнаружил, что дочь стоит в дверях.

— Это тот журналист, которому вчера назвали время смерти?

— Да.

— Он всё равно пойдёт?

— Боюсь, да.

— А почему взрослые так плохо пользуются свободой выбора?

Саша стояла у двери с кружкой какао. Михаил знал этот её взгляд: сейчас последует вопрос, после которого ему придётся либо сказать правду, либо очень заметно увернуться.

— Когда что-нибудь покажется опасным, сначала звони мне, — сказал Михаил. — Не проверяй на себе.

Саша поставила на стол вторую чашку. На её футболке красовалась нарисованная луна и подпись по-английски: «Увидимся на другой стороне».

— Ты думаешь, он умрёт? — спросила она.

Михаил помолчал.

— Думаю, его предупреждают конкретные люди, а он ведёт себя так, словно идёт на спор с абстрактной судьбой.

— А ты ведь его знаешь?

— Достаточно, чтобы злиться на него сильнее, чем на некоторых подозреваемых.

Она села напротив. В школьном чате обсуждали вчерашний эфир, и один мальчик уже опубликовал монтаж, где Павел тонул в нарисованном бассейне с надписью «всё под контролем». Саша показала телефон отцу. Он попросил убрать изображение.

— Это же шутка.

— Для тех, кто не знает человека. У него есть мать.

Саша стёрла пересланный ролик из своего чата. Михаил заметил это движение; на освободившемся экране всплыло напоминание о школьной выставке, куда он обещал прийти.

— Вчера ты сказал, что мы выберем время, — напомнила дочь.

— Выберем.

— Без слов «если не вызовут»?

Он задумался. Глупо было обещать то, что зависело от обстоятельств. Ещё глупее — пользоваться этим как вечным оправданием.

— Я договорюсь с коллегой о дежурстве, — сказал Михаил. — И поставлю в календарь.

Саша прищурилась.

— Ты поставил собственную дочь в календарь?

— Это высшая форма служебного признания.

Она рассмеялась. Михаил налил чай. На кухне пахло поджаренным хлебом, и некоторое время они обсуждали совершенно обычные вещи: забытый спортивный костюм, оценки, одноклассницу, которая снова поссорилась с подругой. Михаил слушал внимательнее, чем обычно. Ему хотелось сохранить хотя бы этот завтрак от чужого воскресного расписания.

✦ ✦ ✦

На съёмочной площадке безопасность существовала в виде папки. Папка была толстой и обладала печатями; запасной выход, в отличие от неё, ещё требовал проверки.

В производственном кабинете Вера обнаружила, что листы осмотра маршрута лежат по порядку, а отметки о проверке составлены разными почерками. Кто-то поставил галочку возле ограждения, кто-то подписал освещение, кто-то подтвердил радиосвязь. В графе запасного выхода стояла аккуратная подпись, но рядом не было точного времени осмотра.

— Кто проверял утром? — спросила Вера у помощницы Островского.

— Ремонтная бригада должна была.

— Должна или проверила?

Девушка открыла внутренний чат. Два сотрудника сообщали о готовности. Третий обещал прислать фотографию позже. Вера попросила сохранить переписку и не закрывать пункт отчёта, пока не появится подтверждение.

— Если мы начнём так придираться, — сказала помощница, — в девять вечера ничего не снимем.

— Тогда в девять вечера у вас будет не снятая передача. Это переживаемо.

Сама Вера понимала, что контроль над всей площадкой ей не принадлежит. Договор ограничивал её полномочия наблюдением за записью предсказания, а не технической безопасностью. Но после разговора с Павлом она решила хотя бы задать вопросы, на которые позднее можно будет получить точные ответы.

Она прошла к нижней лестнице с планом в руках. Дверь была обозначена зелёной стрелкой. На стене рядом висела карта эвакуации. Две схемы различались: рабочая съёмочная закрывала один проход условной линией, аварийная продолжала показывать его свободным. Вера сделала снимок обеих. Открывший ей дверь техник объяснил, что ограничение касается только движения декораций.

— Если сигнализация сработает, путь должен быть свободен, — сказал он.

— Тогда пусть никто не ставит туда ничего, что нельзя сдвинуть в одно движение.

Техник посмотрел на скопление кабелей у стены.

— Поздновато вы пришли с хорошими идеями.

— Лучше поздно, чем после съёмки.

Вера записала имена сотрудников и время разговора. До проверки кабеля и журнала работ публичных заявлений она делать не собиралась. Ей отчаянно хотелось обнаружить обыкновенную поломку.

Вера потребовала показать маршрут участника. Островский отослал её к Ларину. Тот разложил схему и сообщил, что эвакуационная лестница открыта, нижняя группа оснащена радиостанциями, а резервуар ограждён.

— Вы проверяли сами? — спросила Вера.

— Сведения собраны от исполнителей. Сегодня будет повторный обход.

— Тогда подписи до обхода мне не нужны.

Ларин посмотрел на неё с терпением специалиста, которому объясняют разницу между кабелем и верёвкой.

— Проверку выполняют ответственные за участок. Моё дело — согласовать связь и режим.

В коридоре Силин заделывал шов возле мостика. Белый герметик попал на манжету тёмной куртки. Павел спросил, глубокая ли вода.

— Достаточно, чтобы в ней не плавать, — сказал рабочий. — А если нужен выход, вон лестница. Вчера открывалась.

Он сам нажал ручку. Дверь поддалась. За ней стоял пожарный щит. В общей раздевалке рядом висели ещё несколько рабочих курток; между ними лежал ящик с радиостанциями.

Павел запомнил расположение лестницы. Ему хотелось знать, куда можно уйти в экстренном случае. Само желание было новым и потому немного смущало.

Силин отложил шпатель и провёл Павла до мостика. Тот видел резервуар во время подготовки, но теперь освещение изменилось: вода превратилась в непроницаемый чёрный прямоугольник, а расстояние до противоположной стены казалось меньше, чем было на самом деле.

Павел наклонился над ограждением, придерживаясь за стойку. На бетонном борту осталась полоска краски от недавнего ремонта. Внизу плавал обрывок синей плёнки; освещённый прожектором, он на мгновение показался чьей-то одеждой. Павел отступил и невольно посмотрел на лестницу. Силин проследил за его взглядом, постучал шпателем по перилам и сказал, что в такие места лучше входить только при свете.

— Надёжное ограждение? — спросил журналист.

— Крепление старое, но осмотрено. Мы заделываем швы, не усиливаем конструкцию. Не надо на него прыгать.

— Вообще не собирался.

— Все так говорят, пока режиссёр не попросит драматический разворот.

Силин показал на лестницу к воде. Нижняя перекладина висела над поверхностью. Павел наклонился, сравнил расстояние с собственной рукой.

— Если кто-нибудь случайно упадёт, он сможет дотянуться?

Рабочий посмотрел вниз.

— С воды — трудно. Достают шестом. Вон там висит. Но это не бассейн, купаться в нём не предполагается.

Павел посмотрел на спасательное средство. Простой алюминиевый шест с петлёй. На стене висела табличка с инструкцией. Часть букв стёрлась. Он провёл пальцем по сухой пыли на креплении и спросил, пользовались ли шестом на репетиции.

— По-моему, нет. Если хочешь, вызови ответственного за безопасность. Я тут отвечаю за герметик.

Рабочий произнёс последнюю фразу без злобы. Павел оценил честность распределения полномочий и пошёл искать человека, который отвечал за остальное.

Девушка с кабелями попросила придержать створку. Павел помог; доводчик потянул дверь обратно с тихим металлическим шорохом. Он нажал ручку ещё раз. Открылась. Проверил вторично — тоже. Девушка поблагодарила и убежала, волоча за собой чёрную петлю кабеля. К вечеру здесь станут ходить в полутьме.

— Подсказать, где тут выход? — спросила девушка.

Павел показал на лестницу.

Она улыбнулась:

— Тогда запомните: когда начнут снимать, стрелкам лучше не верить. Режиссёр велел переставить часть указателей для кадра.

Он хотел уточнить, какие именно, но девушку уже позвали. Павел открыл блокнот и нарисовал собственную стрелку к запасной двери.

✦ ✦ ✦

В 16:30 Аглая пришла к Вере с синей тетрадью. На странице стояли слова «Вода. Металл. Павел. 21:17».

— Когда написала? — спросила Вера.

— В пятницу, кажется.

— Четыре слова сразу?

— Не уверена. Иногда дописываю позже.

— Получала предварительный график?

— Возможно. Я не помню, открывала ли приложение.

— Тогда запиши именно это: «Не помню». Не заменяй сомнение уверенностью только потому, что вчера тебя снимали крупным планом.

Аглая сжала тетрадь. За Павла ей было страшно. Откуда взялась вода, она не помнила; имя и минута казались совсем свежими. Она провела ногтем по краю страницы и закрыла её.

После разговора Аглая долго сидела перед закрытым зеркалом гримёрного стола. На соседнем стуле лежал пиджак для эфира. Ассистентка заглянула и спросила, нужно ли вызвать визажиста. Аглая ответила, что пока нет.

Она набрала Павлу: «Не ходите на нижнюю площадку. Мне тревожно». Увидела эти слова и не отправила. Он непременно спросит, что именно ей известно; ответить будет нечем, кроме воды из её собственного конверта. Аглая стёрла сообщение и пошла искать его среди людей.

В павильоне Павла уже не было. На съёмочной стойке висел его пропуск, временно оставленный администратору. Аглая попросила передать, что хочет поговорить. Девушка пообещала. Аглая не стала спрашивать, когда именно это произойдёт.

В гримёрной Аглая открыла тетрадь. Под четырьмя словами предсказания написала пятый вопрос: «Кто отвечает за спасение?» Посидела, разглядывая почерк, потом решительно обвела его прямоугольником.

Вера попросила у Аглаи разрешения посмотреть почту на её собственном телефоне. Не пароли, не содержимое личной переписки — только то сообщение, которым производственный отдел отправлял материалы к съёмке.

— Я не хочу, чтобы вы прочли письма моей матери, — сказала Аглая.

— И не прочту. Найди сама письмо по дате.

Они сели на край дивана в пустой гримёрной. В общей переписке обнаружилось сообщение о необходимости подтвердить участие. Под ним — приложение с таблицей. Аглая посмотрела на значок файла и побледнела.

— Я помню, что открывала это на телефоне в такси. Или кажется, что помню после вашего вопроса.

— Тогда не пытайся решить сейчас. Сохрани данные и отметь обе версии.

Аглая отвернулась.

— Вы правда считаете, что я могла увидеть время и забыть?

— Люди забывают происхождение сведений гораздо чаще, чем сами сведения. Но твой случай нужно проверять, а не назначать причиной сразу.

В дверь постучали. Вошёл Вельский с букетом маленьких белых цветов: их прислал поклонник. Аглая нервно засмеялась.

— Мне вчера прислали письмо от женщины. Она попросила сказать, переживёт ли муж операцию. Я не ответила.

Вельский поставил цветы.

— Правильно сделала.

— Раньше вы говорили, что мы должны помогать.

— Иногда помощь начинается с того, что не берёшь на себя чужое медицинское решение.

Вера посмотрела на него. Ей показалось, что привычная элегантность Вельского стала осторожнее после вчерашнего разговора. Он заметил взгляд и занялся стеблями.

— И ещё, — сказала Аглая. — Я хочу, чтобы Павел не шёл вечером к резервуару.

— Скажи ему.

— Он смеётся.

— Тогда говори без улыбки, — ответила Вера. — И не пытайся звучать как пророчица. Скажи: «Я боюсь, что площадка опасна».

Аглая кивнула. Потом записала в тетрадь рядом с четырьмя словами: «Проверить лестницу». Маленькая бытовая фраза испугала её сильнее всего остального.

Вера снова потребовала от Островского прекратить опыт при любой угрозе. Продюсер показал подписанную инструкцию.

— Здесь всё написано.

— Бумага умеет подписывать только себя, Валентин. Кто войдёт к человеку, если он действительно позовёт?

— Третья группа. Немедленно, по тревоге.

Она добилась повторения команды по общей связи. Вера успокоилась ровно настолько, насколько человек может успокоиться, увидев на месте огнетушитель, но не проверив, есть ли внутри порошок.

Вера поднялась в режиссёрскую. Там готовили перебивки с лицами зрителей, проверяли уровень аплодисментов и договаривались, кого из операторов перевести к нижней группе. Помощник Островского сообщил, что кабель связи на одном участке заменили.

— Значит, повторная проверка будет с самим человеком в нижнем коридоре? — спросила Вера.

— Мы проведём стандартный тест.

— Мне не нужен стандартный. Мне нужен ответ от человека, который действительно стоит возле двери резервуара.

Островский повернулся к ней.

— Ты же подписала акт по конверту. Зачем тебе радиосвязь?

— Потому что после конверта придётся работать живым людям.

Продюсер тяжело вздохнул, но вызвал по рации третью группу. Ответ прозвучал с шумом. Сотрудник повторил контрольный порядок: ждать начала финальной сцены, при угрозе жизни немедленно сообщить, действовать по инструкции безопасности.

Вера настояла, чтобы эти слова прозвучали ещё раз, без сокращений. Она попросила назвать старшего смены и убедилась, что тот подтвердил присутствие.

— Довольна? — спросил Островский.

— Пока да.

— На телевидении это редкое признание.

— Не привыкай.

Когда Вера вышла, Тимур догнал её у лестницы.

— В нижнем узле иногда не слышно конца фразы. Если кто-нибудь скажет «Не входите в кадр, если всё спокойно, а при угрозе немедленно...», половина людей услышит только начало.

— Ты сообщил?

— Да. Мне ответили, что используют короткие команды.

— Тогда пусть «помогите» будет самой короткой.

Тимур посмотрел на неё серьёзно.

— Я сохраню исходные звуковые потоки. На случай спора о том, что кто произнёс.

— Лучше сохранить людей, — сказала Вера.

Он хотел возразить, но не нашёл слов. На секунду служебная связь зашипела в кармане звукорежиссёра, и они оба вздрогнули от обычного технического звука.

✦ ✦ ✦

В 20:31 архивист Наталья Костина получила сообщение: «Не передавайте запись Рябинину». Днём ей уже намекали, что служебный экспорт не следует показывать посторонним. Она не знала, кто отправлял угрозы, и не могла проверить состав файла. На оболочке стояло «Исходный материал. 2014». Рябинин искал полное интервью, поэтому система предоставила экспорт с пометкой `FULL`.

До отправки сообщения Наталья почти час провела у рабочего терминала. Она искала материал по заявке Павла и обнаружила два похожих номера. Первый относился к архивной карточке оригинального интервью. Второй — к служебному экспорту, созданному для внутреннего просмотра. В графе «готово к выдаче» значился только второй.

Наталья открыла свойства файла. На экране появилось слово `FULL`. Она знала, что так когда-то обозначали полные записи, но после переносов многие номера менялись. Решить по одному ярлыку, что содержимое осталось нетронутым, было невозможно.

Она попробовала запросить первичный носитель. Система ответила: «Недостаточно прав». Тогда отправила служебное обращение. Полчаса спустя пришёл короткий ответ: «Выданный экспорт соответствует запросу». Без фамилии. Без номера первичного файла.

Наталья долго смотрела на экран. Ей хотелось снять с себя ответственность — просто не передавать ничего. Но Павел уже несколько недель искал эти материалы, и ей было известно,

что в старых эфирах люди слышали о себе то, чего никогда не произносили с такой уверенностью.

Она вспомнила Светлану Викторовну, приходившую за копией своего закрытого интервью. Женщина тогда спрашивала, может ли посторонний консультант узнать сказанное в кабинете. Наталья ответила, что данные охраняются правилами. Позднее узнала о жалобе Светланы и не захотела снова произнести такую же уверенную фразу.

Перед выходом Наталья сложила копию технической заявки, поставила рядом контейнер и закрыла рабочую программу. Телефон звякнул. «Не передавайте запись Рябинину». Она прочла, посмотрела на пропуск и, не ответив, направилась в коридор.

В дверях её задержал старший сотрудник: нужно было расписаться за передачу смены.

— Ты поздно, Наташа.

— Надо закончить одну работу.

— Не делай глупостей. Документы не стоят того, чтобы потерять место.

— Люди — стоят, — сказала она, прежде чем успела подумать.

Старший посмотрел на неё без понимания. Наталья ушла, стыдясь собственной красивой реплики и всё равно не отказываясь от решения.

На запястье Натальи белел старый ожог. Она поправила рукав и вышла к техническому архиву. Павел ждал у третьей студии.

— Оригинал? — спросил он.

— Так обозначен в каталоге. Я не проверяла видео, — сказала Наталья. — И не говорите потом, будто я гарантировала полноту.

Он посмотрел на контейнер.

— Вы мне не доверяете?

— Себе не доверяю, когда вижу слово «полный» в названии файла. У нас после переноса всё называют как попало.

Павел впервые за вечер улыбнулся по-настоящему.

— Значит, оба не верим. Уже хорошо.

Наталья вложила карту ему в ладонь, попросила не называть её в публикации и ушла через боковую лестницу. Павел хотел подняться к людным помещениям. Но в противоположном конце коридора появились шаги.

Когда Павел убрал контейнер, Наталья задержала его за рукав.

— Вы точно понимаете, что это не заверенная копия?

— Понимаю.

— И что я не имею права обещать, будто файл полный?

— Ещё лучше понимаю.

— Тогда почему вы так довольны?

— Потому что пока у меня есть возможность проверить хотя бы что-нибудь, кроме телевизионного монтажа.

Наталья сняла с пропуска пластиковую защиту и показала оборот. Там была только служебная инструкция на случай утраты. Её имя она закрыла пальцем.

— Я не хочу, чтобы из меня сделали героиню вашей статьи.

— Не сделаю.

— Журналисты тоже умеют обещать.

— Знаю. Поэтому на запись нашего разговора даже не включал диктофон.

Она посмотрела на его руки. Телефон лежал экраном вниз. Наталья не могла знать, действительно ли он не записывал, но решила принять обещание. Другого основания для встречи не было.

Из-за поворота послышался смех. Двое техников катили стойку на колёсах. Один спросил, где у архивистов лежат запасные карты. Наталья указала на другой этаж, хотя знала, что

запасные контейнеры находятся буквально за её спиной. Павел заметил ложь и понял, что она испугалась.

— Уходите, — сказала Наталья. — Сейчас.

— А вы?

— Я здесь работаю. Надеюсь, пока ещё.

Она пошла к боковой лестнице, остановилась и обернулась.

— Когда увидите файл, не перепутайте ответ человека с вопросом, который ему задали.

Эта фраза была почти точной копией того, что ему утром сказала Вера. Павел почувствовал, как две совершенно разные женщины указывают на одну и ту же трещину в старом архиве. Он убрал руку в карман, нащупал контейнер и направился к главному коридору.

Человек в тёмной куртке остановился под лампой. Лицо скрывала тень. На запястье была светлая отметина.

— Вы ко мне? — спросил Павел.

Ответа не последовало.

Он отступил в сторону складского помещения, захлопнул за собой дверь и удержал ручку. Шаги приблизились. На секунду она дёрнулась.

— Ты здесь? — спросил кто-то глухо, и по интонации нельзя было понять, узнаёт ли он Павла или просто ищет заблудившегося сотрудника.

Потом по коридору прошли другие люди. Прозвучал голос осветителя: «Тут проход нужен». Шаги удалились.

Внутри склада Павел слышал, как снаружи переставляют металлическую стойку. Один из рабочих раздражённо говорил в рацию, что проход перекрыт декорациями. Другой предлагал перенести всё через нижний коридор. Павел сидел среди картонных колонн, ожидая, пока они уйдут.

За дверью заговорили двое рабочих. Преследовавший Павла человек, кажется, отошёл. Теперь, чтобы вынуть журналиста из подсобки, ему пришлось бы при свидетелях объяснить, зачем он ломает чужую дверь. Павел услышал, как удаляются шаги, но остался стоять с рейкой.

Он осторожно включил телефон. Пропущенных сообщений не было. Вера находилась в здании, и у него был её номер. Павел набрал короткий текст: «Я у склада декораций. Получил карту. Если через десять минут не выйду, позвони». Потом стёр сообщение. Стоило его отправить, и Вера могла привести сюда сотрудников, а источник, возможно, окажется раскрытым.

Павел ненавидел это собственное колебание. Только что сам говорил Наталье, что она рискует работой. Теперь рисковал собой и почти называл это благородством.

За дверью проскрипели колёса. Одна из коробок качнулась, и Павел машинально поддержал её. На боку было написано «СРЕДНЕВЕКОВЬЕ». Он посмотрел на надпись и вдруг подумал, что секреты бывшего телепроекта заслуживают более современного способа защиты, чем человек, прячущийся за картонной крепостной стеной.

Он подключил карту и решил посмотреть только начало. На полу под фанерным деревом лежал клочок позолоченной бумаги; Павел машинально сдвинул его ботинком. Уйти можно было сразу. Но первый увиденный монтажный стык заставил включить следующий фрагмент.

Павел присел среди фанерных деревьев и коробок с надписью «СРЕДНЕВЕКОВЬЕ». Телефон показывал 20:43. Ему предстояло решить, уйти ли сейчас с картой или проверить, почему кто-то так настойчиво советует ему оставаться подальше от архивного сервера.

Он достал из кармана скомканный чек за кофе, перевернул и написал на обороте время встречи с Натальей. Привычка оставлять следы для самого себя иногда спасала расследования от путаницы. Никакого тайного шифра, только две цифры и пометка: «Источник предупреждал, что файл может оказаться неполным».

По коридору прокатили что-то тяжёлое. Колёса замерли у двери. Павел встал, вынул из коробки деревянную рейку и, чувствуя себя дураком, сжал её обеими руками. Через несколько

секунд колёса опять заскрипели. Рейку он положил на место, но сесть спиной к двери уже не смог.

Глава 3. Человек за дверью

18 октября. 20:43.

Павел не любил прятаться. В детстве его всегда находили первым. Теперь его спрятали декорации к передаче про Средневековье: две картонные колонны, ящик с искусственным мхом и золотой трон, на котором красовалась наклейка инвентарного отдела.

Он подключил карту через переходник. На экране появилось имя `WR_2014_047_FULL`.

Марина Белова, семнадцать лет, белое кресло. Голос за камерой: «Вы уверены, что Аглая велела прекратить поиски?» — «Нет. Я не помню дословно». Склейка. Та же Марина уже говорит: «Она сказала, что искать не надо». Изменилась складка свитера; свет падал под другим углом.

Павел остановил запись. Слово `FULL` в имени было либо ошибкой, либо насмешкой.

Среди файлов был короткий текстовый документ с перечнем дат экспорта. Павел хотел открыть его, но телефон показал предупреждение о несовместимой кодировке. Несколько строк превратились в странные знаки. Он попробовал другую программу и увидел только номера. Среди них мелькнула пятница шестнадцатого октября. Если запись готовили вчера, это требовало объяснения. Обычные архивные материалы могли копировать по запросу, но сам порядок монтажа не менялся без человека.

Павел записал номер в блокнот. Потом вспомнил, что переходник иногда теряет контакт, когда телефон лежит на неровной поверхности. Подложил под него сложенный договор съёмки. Получилась почти комическая картина: документ, обещавший безопасность участника, служил подставкой для карты, из-за которой он прятался в складском шкафу. Павел подумал, что обязательно расскажет об этом Вере. Вера посмеётся, а потом спросит, почему он не позвонил ей сразу.

Ответа не было. Он спрятал договор обратно в карман.

Следующий фрагмент показал молодую Аглаю и Вельского. Девушка закрывает глаза, называет воду и металлический край. Потом кадр меняется. Никто не показывает, что предшествовало ответу. В монтажном результате эта пауза выглядит как сверхъестественное прозрение.

Павел вернул запись к началу. На экране Марина сидела с напряжёнными руками, пальцы цеплялись за край рукава. Интервьюер говорил мягко, почти ласково. Он не угрожал. Не принуждал открыто. Просто предлагал удобные слова, которые девушка могла повторить, чтобы наконец выйти из комнаты.

— Вы не хотите сказать, что ясновидящая запрещала поиски? — спрашивал голос за кадром.

— Я не помню, — отвечала Марина.

— Но такое могло быть?

Павел остановил файл. Вопрос был построен так, что практически любой ответ можно было превратить в признание. Отрицание делалось недостаточно решительным. Согласие превращалось в готовое утверждение. Само интервью выглядело как коридор, в конце которого оставили одну открывающуюся дверь.

Он открыл свойства видеодорожки. Несколько сегментов имели разные параметры кодирования, один начинался с неполного звукового пакета. Это ещё не доказывало злого умысла: архив за двенадцать лет мог пройти через разные программы. Но полный исходник так себя обычно не называл без отдельной истории обработки.

Павел положил телефон на ящик и выписал в блокнот три имени: Марина, Аглая, Вельский. Обвёл имя Марины. До сих пор он записывал подозреваемых; семнадцатилетняя девушка в старом интервью никого не обвиняла. Именно её первый ответ оказался вырезан.

На коротком фрагменте Аглая закрыла глаза. Её голос был тоньше, чем теперь, в нём ещё не появилось сцепленное с профессией спокойствие. Она говорила о холоде и железе, но затем следовала склейка, и появлялась вода. Павел вернул запись на несколько секунд. Он видел, что свет на стене изменился. Человек за камерой мог сменить лампу. Мог пройти час. Могли пройти дни.

— Никакого «полного», — сказал Павел вполголоса.

Из-за двери донёсся тяжёлый стук. Он замер. Стенки картонных декораций дрогнули от движения воздуха. Павел спрятал телефон под куртку и прислушался. Кто-то возился с замком соседнего помещения. Потом шаги снова удалились.

Он вспомнил материнское «Не надо шутить». Представил, как покажет ей запись: тесная подсобка, дрожащие руки, камера телефона. Мать спросила бы только, когда он вернётся.

Павел попытался отправить Вере сообщение: «Содержимое карты — монтаж. Нужно найти исходный порядок вопросов». Сеть пропала. Он сохранил черновик. Можно было просто уйти; охранник, наверняка, ещё стоял в холле. Но если источник прав, сервер завтра отключат, а вместе с ним исчезнет история подготовки этого экспорта.

В 20:56 пришло новое сообщение: «Первичный журнал у старого сервера. Нижняя зона, вход Б. 21:04. Иначе останется только выборка». Оно содержало ровно те сведения, которых Павел ждал. И именно потому выглядело ловушкой.

Он позвонил Кравцову. Вызов не прошёл. Павел посмотрел на карту. Спрятал в карман и пошёл проверить серверную дверь. Так он выбрал ещё один коридор — тот, который не входил в план безопасного возвращения.

Павел ещё раз проверил сигнал. Полоска сети появлялась, затем исчезала. Он попробовал не звонить, а отправить короткое сообщение. Оно повисло в очереди. До условленного времени встречи у сервера оставалось восемь минут.

Центральный холл был недалеко. Там оставались охранники и свет, и через него ещё можно было выйти. Но кто-то искал Павла между складом и холлом, а Наталья предупреждала о возможном отключении журнала после съёмки. Он ещё раз посмотрел на сохранённый фрагмент и вместо выхода пошёл к серверной лестнице.

Он открыл заметку и записал всё, что действительно знал. «20:40 — передача носителя Натальей. 20:43 — неизвестный ищет возле склада. 20:56 — новое сообщение с адресом сервера». Под последней строкой добавил: «Версия ловушки».

За стеной громыхнул тяжёлый предмет. Павел выждал, пока колёса перестали скрипеть, затем приоткрыл дверь на ширину ладони. Коридор освещался через одну лампу; у лифта стояли два пустых кофра. До ближайшего сотрудника было метров тридцать. Он уже хотел окликнуть его, но увидел на полу тонкую полоску света от открывшейся боковой двери. Кто-то вышел и задержался у поворота. Павел осторожно вернулся в подсобку. Ему стало стыдно за собственный страх — и сразу после этого стыд показался опасной глупостью.

Он проверил, не сохранилась ли отправка сообщения Вере. На экране всё ещё висело «Ожидает сети». Павел поставил телефон ближе к решётке вентиляции, дождался одной полоски сигнала и снова нажал «Отправить». Сообщение ушло. Ответа не было.

Слово «ловушка» показалось ему слишком громким. Он не зачеркнул его.

Когда Павел вышел, коридор был пуст. За дальней дверью звучали голоса осветителей. Он пошёл не к ним, а в противоположную сторону. На стене висела табличка с планом этажа. Одна лестница вела к холлу, другая — к нижнему техническому помещению, где находился резервуар. От старого сервера до холла можно было вернуться без воды и мостиков. Павел даже специально проверил маршрут глазами.

Потом выключилась часть коридорных ламп: кто-то переключил освещение площадки. В темноте табличка превратилась в серый прямоугольник. Павел достал телефон, подсветил направление и снова пожалел, что не отправил Вере сообщение до выхода из склада.

Но он уже пошёл дальше.

✦ ✦ ✦

На серверной висела бумага «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН». В 21:04 за ней что-то стукнуло. Павел постучал. Ему не ответили. Он наклонился к замку, пытаясь понять, есть ли внутри человек. В дальнем проходе мелькнула тень.

Павел выпрямился. Зажёг экран телефона, снова вызвал Михаила. На этот раз сеть появилась, но свет над головой мигнул, а из темноты донеслись знакомые тяжёлые шаги.

Он сделал несколько шагов к главному выходу. Затем услышал, как за дверью серверной снова передвинули что-то тяжёлое. Могло быть оборудование. Мог быть человек. Павел остановился, чувствуя, что любопытство сейчас опаснее страха. Ему хотелось ещё раз постучать и потребовать открыть помещение. Но на другом конце коридора появился тёмный силуэт, и выбор сократился до двух направлений.

Он смотрел на экран телефона: непринятый вызов Кравцову. Вместо длинного объяснения набрал одно слово — «опасность», выбрал номер Веры и нажал отправить. Сеть подвисла. Павел успел увидеть значок ожидания и спрятал телефон, готовый броситься к выходу. Позднее эта неотправленная фраза останется в локальной истории устройства; в ту минуту она не помогла никому.

— Я уже вызвал полицию, — сказал он громко.

Это было не правдой. И человек, видимо, ему не поверил.

Павел бросился к выходу. Преследователь не всегда попадал в поле зрения, однако шаги звучали достаточно близко, чтобы не останавливаться. Служебная камера верхнего коридора отметила фигуру в тёмной куртке. В 21:10:48 один видеопоток ненадолго прервался, хотя резервная запись другого участка сохранилась. По одному из кадров можно было различить белое пятно у правого запястья.

Первые секунды он не бежал. Быстро шёл, стараясь не выглядеть человеком, которому угрожают. Камера висела под потолком, и Павел знал: если позже понадобится доказать преследование, собственная паника поможет меньше, чем ровное изображение другого человека.

Он услышал второй шаг за спиной. Потом третий. Оглянулся. Фигура в тёмной куртке двигалась быстрее. Павел ускорился.

В коридоре стояла тележка с осветительными приборами. Чтобы обойти её, пришлось пройти боком. Ручка упёрлась в живот, один из приборов качнулся и звякнул стеклом. Человек позади не позвал на помощь, не попросил остановиться. Он просто сократил расстояние.

— Что вам нужно? — крикнул Павел.

Ответа не было.

У журналиста в голове на мгновение возникло смешное и страшное: если он бросит карту в лицо преследователю, выиграет секунду. Но что потом? Вернётся за ней? Докажет, что файл был подменён, пока его самого будут увозить в больницу?

На повороте он проскользнул мимо стойки со знаком «ТИШИНА. ЗАПИСЬ». Случайная декорационная табличка заставила его почти рассмеяться. Во всём здании сейчас действительно требовалось молчание. Только не от него.

За углом возник зелёный указатель выхода. Он вспомнил, как днём рабочий открывал дверь, чтобы показать лестницу. Тогда ручка поддалась сразу. Павел прибавил шаг и схватился за неё обеими руками.

В 21:11 Павел добежал до двери эвакуационной лестницы. Не открыл. Сквозь стекло он видел свободные ступени и пожарный щит. Планка внутри держала полотно. За спиной возвращались шаги. Снизу тянуло холодом — от насосной.

Именно туда он побежал.

✦ ✦ ✦

Тимур Шахов слышал крики по служебной дорожке, но сначала принял их за часть постановки. На площадке постоянно проверяли акустику, заставляли людей кричать и потом делали вид, что крик не был записан с пятого дубля. Он попросил нижнюю группу подтвердить обстановку.

Тимур заранее вывел на отдельный экран уровень звука с нижней площадки. Перед началом финальной сцены нужно было отрегулировать микрофоны: вода отражала гул оборудования, а металлические поверхности превращали каждый удар обуви в нечто похожее на выстрел.

Он попросил оператора сказать любую фразу. В наушниках услышал: «Проверка, раз, два, три». Потом раздался чужой стук. Тимур увеличил чувствительность. Шум резко вырос, и пришлось вернуть прежний уровень.

— Нижняя, что у вас? — спросил он.

Ответ задержался. Вместо голоса пришёл треск. Это не было исключением: часть радиостанций работала на границе зоны уверенного приёма.

Помощник режиссёра сообщил, что Островский хочет вывести картинку воды на служебный монитор за несколько минут до финального сигнала. Тимур открыл соответствующий поток. В нём не было ничего, кроме света, дрожавшего на поверхности. Он посмотрел на график: 21:17. Время назначили заранее. Для звукорежиссёра это была всего лишь строка, к которой нужно подвести нужную дорожку.

Потом появился звук, плохо укладывавшийся в обычную проверку. Тимур услышал его сначала как короткий вдох рядом с микрофоном, затем как обрывок крика. Он нажал повторное прослушивание последних секунд и обнаружил, что фрагмент уже перекрыт новой передачей.

— Прекратите учебные вызовы, — сказал он по рабочему каналу. — Есть неразобранный звук.

Из другого канала пришёл ответ, что третья группа ожидает сигнала. Тимур посмотрел на картинку воды. Он не видел человека. Но уже не мог назвать звук обычным без проверки.

Он потребовал связи с нижней площадкой. Пока операторы переключались, в комнате появилось несколько сотрудников. Кто-то принёс текст ведущей. Кто-то попросил сделать музыку тише. Тимур вдруг остро почувствовал, как трудно добиться одного нужного ответа в помещении, где все одновременно требуют собственной маленькой технической победы.

— Замолчите на минуту, — сказал он громче обычного.

Коллеги удивлённо посмотрели. Тимур повторил вызов.

— Там кто-то зовёт! — раздалось в наушниках.

За шипением пришёл другой голос: «Не заходить. До сигнала две минуты».

Тимур снял один наушник.

— Кто сказал ждать? — спросил он помощника режиссёра.

— Координация, наверное.

Слово «наверное» было непригодно для технического протокола, но в телевизионной работе обычно им и ограничивались.

Островский потребовал выяснить, где Рябинин. Вера увидела на мониторе воду и услышала, как Тимур повторяет: «Кто-то кричит». Она потребовала остановить съёмку. Продюсер ещё несколько секунд пытался установить, какие реплики принадлежат сценарию. Потом приказал третьей группе войти немедленно.

Сигнал был передан. Группа бросилась к мостику. В 21:17 она обнаружила Павла в резервуаре.

Гущин бежал первым. Камера больно ударяла по плечу на каждой ступени. По привычке он хотел поправить ремень и проверить свет; ремень запутался в куртке, пришлось рвануть. Где-то впереди кто-то звал на помощь.

У мостика он остановился. На воде двигались тёмные круги. Сначала не было видно ничего похожего на человека. Потом у стены мелькнула рука. Гущин опустил камеру.

— Он там! — крикнул он, и голос сорвался.

Кто-то схватил спасательный шест. Другой позвал медицинскую группу. Один из осветителей пытался подать лестницу, но она оказалась слишком короткой для края резервуара. Сотрудники мешали друг другу, ругались, переставляли приборы. Гущин хотел спрыгнуть в воду, но старший остановил: так могли получить второго пострадавшего.

В эту минуту всё, что называлось производственной готовностью, перестало быть набором подписей. Люди действовали, как умели. Кто-то знал, как удерживать шест. Кто-то — только как переносить прожектор. Самым страшным было не отсутствие желающих помочь. Самым страшным было время, которое уже ушло.

Тимур видел лишь часть происходящего. На одном экране операторы двигались быстро, на другом задержанный поток сохранял почти пустой мостик. Когда режиссёр потребовал убрать изображение, звукорежиссёр хотел выключить всё целиком. Потом посмотрел на контрольную дорожку и вспомнил, что именно она может объяснить неизвестное распоряжение.

Он сохранил исходную запись. Не копировал её на личный телефон. Не отправлял знакомым журналистам. Подготовил резерв в служебном хранилище и поставил отметку в журнале. Это заняло меньше минуты, но руки дрожали так, что он дважды ошибся при вводе имени файла.

В комнате кто-то спросил, почему трансляция ещё не остановлена. Тимур ответил, что эфирный поток уже снимают, а исходник он не тронет.

Тимур показал журнал ещё раз. Теперь никто не смеялся над тем, что он сохранил лишний исходный файл.

Когда пришло требование удалить «нежелательный фрагмент» из общего доступа, Тимур закрыл доступ, но сохранил исходные файлы и служебные журналы. Он записал контрольные суммы, отметил время копирования и передал сведения через установленную процедуру.

— Ты собираешься разрушить компанию? — спросил помощник Островского.

— Я собираюсь оставить возможность узнать, что мы снимали, — сказал Тимур. — Это несколько разные действия.

Ночью он просматривал служебные кадры и заметил человека с рацией в техническом коридоре. Изображение было плохим; куртку можно было принять за одежду любого ремонтника. Но журнал смены говорил, что одна из групп покинула здание до появления фигуры на записи.

Тимур раскрыл ведомость и сравнил время с неясным силуэтом на экране. Войти на площадку по пропуску было куда легче, чем перелезать через ограждение. Он выписал список работников, находившихся там в воскресенье.

Он отложил записи и вышел к турникетам. Ночной охранник сидел над журналом гостей. На мониторе по очереди появлялись фамилии тех, кто покидал здание. Большинство сотрудников уже разъехались. Несколько технических групп ещё оставались, но отметки о выходе часто вносили с задержкой.

— Я могу посмотреть, кто был на смене в нижней зоне? — спросил Тимур.

Охранник прищурился.

— По какому основанию?

— Мне нужно сверить работу камеры.

— Тогда оформляйте запрос через руководителя. После того, что произошло, я чужие фамилии никому не выдаю.

Тимур хотел возмутиться: он весь вечер сохранял документы, пока остальные искали способ не испортить выпуск. Но охранник был прав. В журнале находились сведения о живых людях, которых ещё никто не подозревал. Тимур вернулся в аппаратную и составил служебную записку.

На экране по-прежнему стоял человек в рабочей куртке. Светлая отметина у рукава могла быть герметиком, нашивкой или отражением лампы. Он посмотрел на изображение ещё раз и понял, что пытается дорисовать лицо, которого камера не видела.

Вместо этого он сохранил исходный кадр и написал рядом: «Личность не установлена».

Ему не нравилась фраза. Она оставляла вопрос открытым. Но, в отличие от красивой догадки, её не стыдно было показать человеку, который спросит, на чём основан вывод.

Перед самым уходом Тимур позвонил старшему смены и попросил не перезаписывать резервный поток коридора. Тот ответил, что автоматическая очистка запланирована на следующую неделю.

— Тогда давайте оформим сохранение сейчас.

— Не паникуй, — сказал старший. — Всё равно ничего нового на той камере нет.

— Это мы пока не знаем.

Старший проворчал, но согласился. Тимур положил трубку и услышал в наушниках последние секунды служебной записи. За треском рации можно было различить шаги, а потом фразу, ради которой ему придётся ещё много раз возвращаться к этой ночи.

«До сигнала две минуты».

Он выключил звук. Не из страха. Просто больше не хотел слышать её один, не имея возможности никому помочь.

✦ ✦ ✦

Мать Павла отвечала на звонки до полуночи. Она знала, что сына нашли в воде, что медики пытались его спасти и что воскресный телевизионный эфир оборвался. Но никакой звонящий не мог объяснить, почему ей приходится узнавать о нём из новостей.

Она сидела на кухне в халате и держала перед собой чашку, хотя чай давно остыл. Первый звонок пришёл от знакомой журналистки. Та говорила осторожно, будто слова могли взорваться в трубке. Потом позвонили ещё двое, и каждый произносил другую версию: несчастный случай, упал, его спасают, его уже нет. Мать Павла перестала понимать, какой из звонков был настоящим.

На холодильнике висела записка, оставленная сыном в прошлое воскресенье: «Мам, забери посылку. Там ничего запрещённого. Наверное». Он любил оставлять такие глупости, зная, что она будет ворчать и хранить их.

Она сняла бумажку. Положила рядом с телефоном. Попыталась позвонить Павлу. Услышала его автоответчик. Дослушала до слов «Если вы моя мама, я поел» и нажала завершить.

Ей хотелось потребовать, чтобы кто-нибудь приехал и объяснил всё по порядку. Не по телевизору. Без слова «сенсация». Чтобы назвали имя врача и сказали, можно ли увидеть сына. Но всякий раз, когда она начинала спрашивать, собеседник отвечал, что сведения уточняются.

В конце концов позвонила соседка, та самая, с которой Павел в детстве спорил из-за громкой музыки. Женщина спросила, можно ли прийти. Мать Павла ответила: «Не надо. Я не хочу никого видеть». Потом сама перезвонила через минуту и попросила принести хлеба. Соседка пришла без лишних вопросов, поставила хлеб на стол и села напротив.

Они просидели так до полуночи. Соседка не пыталась утешить. Мать Павла не благодарила. Иногда единственная помощь заключается в том, что человек не оставляет другого одного в квартире, где ещё слышен голос погибшего.

Михаил сообщил следственной группе о субботнем разговоре с Павлом и угрозах, которые тот описывал. Рассказал также, что журналист отказался назвать источник. Неприятнее всего было произносить собственную фразу: «Не ходи один». Павел обещал подумать.

Вера сидела в коридоре возле аппаратной. Тимур вышел и поставил перед ней бумажный стакан с водой.

Она не заметила, что сжимает в руке пропуск наблюдателя так сильно, что острый пластиковый край оставил след на ладони. Сама вещь давала ей право смотреть, как запечатывают слова. Но не давала власти над теми, кто отвечал за живого человека.

— Почему не кофе? — спросила она.

— Кофе здесь связан с производством телевизионных чудес. Я сегодня не хочу ничего производить.

Вера грела руки о пластиковый стакан. На часах было давно за двадцать один семнадцать; кофе успел покрыться тонкой плёнкой. Она отпила и тут же поставила его обратно.

Мимо Веры прошли двое с чехлом от осветителя. Один шепнул, что запись надо срочно убрать. Другой уже набирал номер начальства. Никто из них не посмотрел на стакан воды в её руках.

Вера поднялась и пошла к монтажной. Перед дверью остановилась. Изнутри раздался голос Островского: «Никаких комментариев до согласования». Она не вошла. Ей хотелось устроить скандал, потребовать немедленно назвать имена тех, кто отвечал за связь. Но она понимала, что сейчас скандал только сотрёт границу между тем, что она видела, и тем, что предполагала.

Она вынула из сумки рабочую тетрадь и записала единственные факты, которые могла подтвердить лично: в субботу конверт был запечатан в 15:58; в воскресенье она услышала сообщение о возможном человеке в воде и потребовала остановить съёмку; позднее увидела работу медиков. Ни минуты смерти, ни лица человека на мостике она не видела.

Тимур вышел вслед за ней.

— Вам надо домой.

— А тебе?

— Я ещё должен передать носители.

Вера увидела, как Тимур снова сжимает край журнала, и хотела назвать его героем за то, что он сохранил запись. Не назвала. Слишком уж хорошо знала, как из таких слов начинаются чужие телевизионные судьбы.

— Передай правильно, — сказала она. — И не оставайся один.

Тимур кивнул. Вера пошла к выходу, где уже стояли журналисты. Один узнал её и поднял микрофон. Она прошла мимо, ничего не отвечая.

Вера прошла мимо поднятого микрофона. За спиной услышала: «Вы знали о предсказании?» Она не обернулась. На языке уже стоял готовый ответ, точный и профессиональный; произнести его сейчас означало бы снова дать кому-то чужую смерть для монтажа.

Глава 4. Шесть минут чужой жизни

19 октября 2026 года.

Первым человеком, который утром попытался воскресить Павла Рябинина, оказался монтажёр. Он открыл репетиционный файл, нажал пробел, и мёртвый журналист снова возник на экране — живой, раздражённый собственным крупным планом.

— Господа, если меня сегодня утопят, прошу выбрать другой дубль. Здесь я похож на директора рыбного магазина.

Тимур Шахов остановил запись. В аппаратной никто не улыбнулся.

— Не тот файл, — сказал он.

Кравцов посмотрел на экран.

— Не удаляй.

— Это репетиция.

— Значит, на ней Павел ещё мог рассказывать о маршруте. Показывай основное.

Исходный видеопоток был зернистым. В 21:14:56 на воде возникло движение. Сам момент падения камера не показывала. В 21:15:06 в радиозаписи прозвучало распоряжение ждать. В 21:17 на мостике появилась третья группа. Тимур отдельно показал задержанный эфир: те же события зрители могли видеть примерно через шесть минут.

— Знакомые журналисты уже пишут: «Умер ровно в предсказанную минуту», — сказал Тимур.

— А медицинское время смерти установлено?

— Нет.

— Значит, оставим это журналистам. Нам нужен момент обнаружения, а не красивый заголовок.

Кравцов попросил составить независимую таблицу показаний камер, сервера, коммутационных журналов и радиосистемы. У каждого устройства могли быть свои часы. Для телевизионной передачи это обычная неприятность; для расследования — разница между человеком, успевшим спуститься на лестницу, и человеком, которому приписали невозможный маршрут.

✦ ✦ ✦

После остановленного кадра Тимур не сразу вернулся к мыши. На столе лежали две флешки с красными полосками, которых утром здесь ещё не было. Одну принесли сотрудники, изымавшие исходные записи, другую оставили для служебного хранения. На обеих стояли одинаковые наклейки. Содержимое, однако, не обязано было быть одинаковым.

— Почему не копировали всё в один архив? — спросил Кравцов.

— Потому что один сервер во время съёмки принимал картинку, другой записывал служебные переключения, третий отдавал задержанный сигнал зрителю. Заказчикам проще считать это одной камерой. Инженерам от такой простоты хочется уволиться.

Тимур открыл список файлов. При каждом стояли время создания, устройство и запись о последующем копировании. После гибели Павла аппаратная получила распоряжение убрать аварийные кадры из общего доступа. Один помощник Островского понял приказ как уничтожение записи.

— Он сам говорил мне: «Тим, убери всё», — сказал звукорежиссёр. — Я спросил, на каком основании. Он спросил, хочу ли я остаться без работы.

— Что ты ответил?

— Что без работы прожить можно. С чужой смертью, стёртой собственным пальцем, труднее.

Он произнёс это без выражения. Пожал плечами, открыл журнал. Михаил видел, как дрожит курсор.

— Запиши имя того, кто приказал. И время разговора, если помнишь.

— Не помню. Было уже после приезда медиков. Мне тогда казалось, что часов вообще не существует. Есть только кнопки «остановить» и «повторить».

Михаил попросил выключить звук. На немом видео по воде расходились круги. Когда Тимур вернул аудиодорожку, из динамика донеслось короткое, сорванное дыхание. Михаил придвинул стул ближе.

— Можно ещё раз этот участок? — попросил Михаил.

Тимур выполнил. На дорожке перед первым криком слышался короткий металлический стук. Возможно, шест задел ограждение. Возможно, монтажники уронили инструмент. Никаких оснований выбирать первый вариант пока не существовало.

— Мы столько лет добавляли зрителям звук, чтобы они поняли, чего бояться, — сказал Тимур. — А теперь я слышу настоящий страх и не могу объяснить, откуда он пришёл.

— Твоя задача — сохранить его без украшений.

Тимур отключил шумоподавление. Запись зашипела сильнее; между помехами прозвучало: «Повторите». Михаил отметил точный промежуток между включениями передачи и попросил сохранить необработанную дорожку.

Они вышли из аппаратной вместе. В холле уже устанавливали временную перегородку с табличкой о технических работах. Кравцов остановился возле неё. Вчера подобные таблички сопровождали развлекательную передачу. Сегодня ими закрывали место гибели человека. Никто не спросил разрешения у Павла стать содержанием и того и другого.

✦ ✦ ✦

К обеду у следователей появилось четыре разных листа с временем одного и того же события. В первом указали начало крика. Во втором — вход группы на мостик. В третьем — момент переключения зрительского сигнала. Четвёртый оказался пресс-релизом канала, где всё это превратилось в «точную минуту исполнения пророчества».

Михаил разложил бумаги так, чтобы не касались одна другой. Молодой сотрудник сказал:

— Но ведь зрители видели, как его нашли. Разве это не подтверждение?

— Подтверждение чему?

— Предсказанию.

— Прочтите его дословно.

Сотрудник взял копию. «Найдут в тёмной воде». Он поднял глаза.

— Там не написано «умрёт».

— Да. И не написано, что именно телевизионный зритель узнает это в двадцать один семнадцать.

— Значит, можно доказать, что никакого предсказания не было?

— Нельзя. Можно доказать, что слова на бумаге и слова в пресс-релизе не одинаковы.

Дежурный врач, давший первичные пояснения о помощи на месте, пришёл чуть позднее. Михаил попросил не называть точную минуту смерти там, где медицинская документация её не устанавливала. Врач устало потер виски.

— Люди требуют точность до секунды, а мы не имеем даже непрерывного наблюдения за пострадавшим. Можно фиксировать состояние при прибытии, действия бригады и результат. Остальное — после исследования.

— Могли спасти, если бы вошли на две минуты раньше?

— Это нельзя решить одной арифметикой. Важно, в каком состоянии он находился до обнаружения, как долго пробыл в воде, была ли возможность немедленной помощи. Я не стану отвечать по телевизионному хронометражу.

Михаил поблагодарил. Когда врач ушёл, молодой сотрудник закрыл пресс-релиз.

— Их заголовок уже разошёлся.

— Значит, наша работа станет труднее.

— А если мы опубликуем таблицу?

— Тогда любой журналист выберет из неё ту строку, которая подходит его версии. Наша задача — не выиграть спор о чуде, а сохранить порядок реальных действий.

К вечеру мать Павла позвонила в отдел. Кравцов увидел номер, знакомый по словам журналиста, и попросил коллегу принять обращение деликатно. Женщина хотела знать, где вещи сына и можно ли забрать его часы. Михаил долго смотрел на собственные запястья. Часы Павла действительно были среди вещей, изъятых при осмотре. Вернуть их сейчас было не так просто, как хотелось бы человеку, для которого этот предмет ещё вчера находился на живой руке.

✦ ✦ ✦

В ночь после просмотра записей Тимур позвонил брату. Они давно не разговаривали без повода. Брат работал в больнице и сразу решил, что случилось что-то с матерью.

— Нет, — сказал Тимур. — Просто хочу знать, как ты понимаешь, когда человеку действительно плохо.

— Обычно сначала смотрю на человека. Потом спрашиваю, что случилось.

— А если у тебя только звук?

— Значит, действую осторожнее. Почему ты спрашиваешь?

Тимур рассказал только то, что уже было официально известно. В трубке долго молчали.

— Ты чувствуешь себя виноватым?

— Я сидел за пультом. Слышал, как кричат. И думал, что там кто-то разыгрывает сцену. У нас вся работа такая: действительность изображает себя, а мы добавляем звуковую подложку.

— Ты не мог видеть всё.

— Знаю. Проблема в том, что я и не попытался узнать.

Брат велел Тимуру лечь спать. Тот пообещал, а затем включил репетицию. Павел смеялся над собственным профилем в кадре. Тимур дослушал его до конца и выключил экран. После этого открыл чистый лист и записал, что слышал по служебной связи, когда ещё считал крик частью постановки. Поправил одну минуту. Потом ещё одну.

✦ ✦ ✦

В аппаратной Тимур открыл исходный звук. Между ровным шумом вентиляции и коротким вскриком было несколько секунд пустоты. Он потянулся к клавише улучшения записи и остановился: программа добавляла бы искусственные частоты, а ему нужно было услышать именно то, что попало в микрофон. На экране тем временем всплыла заявка: «Подготовить очищенный фрагмент для выпуска». Тимур закрыл её, не отвечая. За перегородкой попросили сделать рекламную музыку громче. Он снял наушники и только тогда заметил, что всё это время сжимал зубы.

В старом проекте Тимур умел делать тишину выразительнее любого крика: вырезал щелчок двери, убирал гул, оставлял ровно столько паузы, сколько выдержит зритель. Сейчас он не решился сдвинуть даже пустые две секунды. Перед ними оставалась чужая жизнь, отмеренная настоящей записью, а не сценарием, и он не имел права исправлять её на слух.

✦ ✦ ✦

Островский пришёл с адвокатом и папкой инструкций. Папка выглядела надёжнее её владельца.

— У нас были обеспечены все меры безопасности, — заявил продюсер.

— Кто проверил запасной выход после подготовки съёмки? — спросил Михаил.

— Техническая группа.

— Фамилия.

Островский пролистнул бумаги и назвал Силина, затем добавил: «И координатор Ларин».

— В воскресенье дверь открывалась?

— Я лично не проверял.

— Кто проверял лично?

Продюсер назвал ещё двоих сотрудников. Михаил записал их имена и запросил журнал выдачи оборудования. О безопасности можно было говорить после проверки.

Оператор Гущин рассказал, что слышал крик, но решил: вероятно, это постановка.

— Почему ждали?

— По рации приказали. Мы думали, координатор видит лучше нас.

— Вы видели координатора?

— Нет.

— Тогда кому доверили решение?

Гущин опустил глаза. Ответа не было.

✦ ✦ ✦

Кравцов беседовал с Гущиным не в кабинете, где обычно сидел продюсер, а в маленькой комнате для реквизита. Молодой оператор отказался от предложенного кофе. Всё время смотрел на дверную ручку.

— Я знаю, вы хотите, чтобы я сказал: мы получили приказ и виноват тот, кто его отдал, — произнёс он.

— Не хочу. Расскажите, что вы сделали сами.

Гущин нервно провёл ладонью по колену. Под брюками там оставался синяк: поскользнулся, когда группа пыталась вытащить Павла.

— Должен был побежать. Просто побежать. А я спросил в рацию. Потом ещё раз. Пока ждал ответа, смотрел на оператора за моей спиной. Он ждал от меня команды. Получается, мы все стояли и смотрели друг на друга.

— Вас учили действиям при аварии?

— Показывали инструкцию. Я даже расписался.

Он достал из кармана сложенную бумажку. Оказалась не инструкция, а чек из круглосуточной аптеки. Купил обезболивающее после съёмки. Бумажка стала влажной от потных пальцев.

— Почему вы решили, что крик может быть постановочным?

— Я слышал репетиции. Там тоже кричали. Нам говорили не вмешиваться, пока режиссёр не даст команду: иначе испортим чистоту опыта. Чистоту! — Гущин усмехнулся. — Я думал о чистоте кадра, когда человек глотал воду.

Михаил попросил нарисовать расположение группы. Гущин дважды переставлял свой крестик ближе к мостику. Когда Кравцов положил рядом кадр с камеры, оператор покраснел и вернул крестик назад.

— Я хотел оказаться ближе, — признался он.

— Сейчас главное не то, где вы хотели быть.

— Понимаю.

Наконец схема совпала с кадрами настолько, насколько можно было проверить. Гущин поставил подпись. Перед уходом спросил, можно ли сообщить матери Павла, что он пытался помочь.

— Расскажите ей только то, что можете подтвердить, — сказал Кравцов. — И не ждите, что она обязана вас успокоить.

— Чтобы не ненавидела меня.

— Возможно, у неё сейчас нет сил утешать вас.

Оператор оставил на столе недопитую воду. Михаил убрал рисунок в папку, стакан так и стоял возле протокола.

В коридоре Гущин ещё стоял у автомата с водой. Сотрудница предложила ему вызвать такси, но он отказался: нужно было забрать сына из школы. Кравцов услышал эти слова из приоткрытой двери и машинально посмотрел на часы. Молодой оператор говорил о чужой смерти, а потом должен был успеть к собственному ребёнку. Михаил вспомнил о Сашиной выставке и поставил в календаре напоминание — без служебного грифа и красной отметки «срочно».

На схеме Гущина остался маленький неровный крест возле лестницы. Кравцов не стал стирать его: свидетель должен был видеть, какое место он указал сам и какое поправил после предъявления записи.

Михаил положил рядом две схемы и проставил номера приложений. На одной оператор стоял там, где ему хотелось бы стоять: ближе к опасности. На другой осветительная стойка закрывала ему половину мостика. Для допроса годилась только вторая.

✦ ✦ ✦

Вера попросила показать ей не монтаж воскресного эфира, а перечень тех, кто имел право говорить по внутренней связи. Островский поднял брови.

— Это техническая информация. Ты же проверяешь конверт.

— Проверяла. Теперь человек умер, пока твои сотрудники выполняли распоряжение неизвестного голоса.

— Не неизвестного. Координации.

— Назови фамилию говорившего.

Продюсер открыл рот и тут же закрыл.

— Я могу назвать руководителя смены.

— Я не спрашивала, кто занимал должность. Кто нажал кнопку?

Островский посмотрел на неё с такой неприязнью, что Вера на мгновение увидела их старое совещание 2014 года. Тогда он так же смотрел на неё, когда она предложила показать полный ответ участницы вместо короткого эмоционального фрагмента.

«Зритель не обязан знать, как мы получили результат», — сказал он тогда.

Вера вспомнила слово «результат» из старых производственных планов. Оно всегда означало, что фрагмент можно отдавать в монтаж. Кто-то применил это слово и к воскресному сигналу; отсюда до реальной помощи оставалось ещё две минуты.

Вера увидела на столе съёмочный лист. Рядом со схемой резервуара было красным помечено «до сигнала не входить». Она попросила копию. Островский отказал без письменного запроса.

— Это ведь обычное расписание, — сказала она.

— Если обычное, зачем тебе оно понадобилось в день, когда полиция здесь работает?

Она не ответила. В прежние годы вырвала бы лист из папки, сфотографировала и потом объяснила поступок благой целью. Сейчас записала номер документа и попросила следователя оформить получение.

Помощница Островского догнала Веру у лифта.

— Вы его доведёте до сердечного приступа, — сказала она.

— У Валентина редкий талант переживать любые катастрофы как угрозу собственной карьере.

— А вы переживаете иначе?

Вера посмотрела на девушку. Та была лет двадцати трёх, почти как она сама во времена первой программы.

— Не всегда, — ответила Вера. — Вот и пытаюсь научиться.

Уже на улице помощница прислала ей сообщение: «Я тоже слышала крик. Думала, кто-нибудь другой проверит». Вера переправила сведения Михаилу, указав, что девушка согласна дать объяснение. Затем удалила из собственного черновика фразу «вся команда бездействовала». Бездействие оказалось составлено из десятков разных решений. Их необходимо было изучить по одному.

✦ ✦ ✦

Вера принесла копию журнала запечатывания конверта. Её подпись стояла рядом с подписью Аглаи. Она могла подтвердить целостность конверта, но не происхождение каждого слова на листе.

— Я помню график, — сказала она. — 21:17 было назначено до эфира. Я думала, главное — не позволить подменить письмо. И не потребовала проверить, кому рассылали расписание.

— Это ошибка процедуры, — ответил Михаил.

— Из неё погиб человек?

— У нас пока нет такого вывода.

Она посмотрела на него с раздражением.

— Вы все так разговариваете? Человек умер, а ты говоришь «пока».

— Я разговариваю так, чтобы не объявить убийцей первого, на кого тебе больно смотреть.

Они помолчали. За окном стоял понедельник, привычно равнодушный к тому, что ещё вчера Павел говорил живым голосом.

— В «Белой комнате» мы иногда заставляли людей повторять ответ, — сказала Вера. — Пока не появлялась фраза, пригодная для эфира.

Михаил поднял глаза.

— Где сохранились исходные интервью?

— Должны быть в архиве. Если их не уничтожили при миграции.

— А кто мог получить доступ после вашего увольнения?

— Никто через мою запись. Её закрыли в 2022 году.

Она произнесла это уверенно. А потом почувствовала, что оснований для уверенности у неё только одна бумага, подписанная четыре года назад.

✦ ✦ ✦

Вера пришла к прежнему отделу кадров, где её встретила женщина по имени Лидия Семёновна. В 2014 году та оформляла договоры для съёмочной группы; к 2026-му собиралась на пенсию и ненавидела любые изменения в компьютерной системе.

— Уволиться у вас получилось, — сказала она, достав коробку с архивными карточками. — А вот удалиться не всегда получается. Мы ведь людям документы закрывали, не электронным теням.

— Мне важно узнать, кто получил подтверждение об отключении.

Лидия Семёновна показала акт. Подписи. Печать. Номер заявки. Вера помнила, как спешила уйти и не смотреть на пустой кабинет, где остались чужие признания.

— В день увольнения я вам всё отдала, — сказала кадровик. — И акт, и уведомление. Вы ещё пошутили, что после этого хотя бы телевизор перестанет знать о вас больше, чем собственная мать.

Вера усмехнулась. Память не обманула: именно так она и сказала.

— Кому направили заявку?

— Администраторам. По каналу. Вижу отметку о выполнении.

— А технический журнал?

— Вот за ним обращайтесь к другим. Я не умею проверять, выключили ли человека из памяти машины.

В коридоре их догнал молодой юрист, который когда-то работал помощником, а теперь представлял интересы канала. Он предложил подписать соглашение об отсутствии претензий к системе, мотивируя это «временными техническими несоответствиями».

— Если оно временное, почему мой доступ висит четыре года? — спросила Вера.

— Вы же понимаете, насколько сложны миграции.

— Понимаю. Именно поэтому не подпишу, пока не получу список операций под моей учётной записью.

— Вы осложняете себе положение. После утечки ваши старые решения тоже станут предметом обсуждения.

Вера остановилась. Вот оно. Не угроза, которую можно записать. Умелая попытка напомнить, что у неё действительно есть прошлое, за которое стыдно.

— Будут, — ответила она. — Но не станут моими новые решения, которых я не принимала.

Юрист сложил бумагу. Лидия Семёновна молча проводила его взглядом.

— Когда-нибудь вы были мягче, — сказала она Вере.

— Очень сомневаюсь.

— Нет. Просто тогда у вас было больше людей, которым вы приказывали.

На улице Вера нашла в списке контактов номер Павла. Палец уже коснулся зелёной кнопки. Она сбросила вызов прежде, чем пошёл первый гудок, и позвонила Кравцову. Попросила немного помолчать с ней. Михаил отошёл от своих сотрудников; в трубке прошуршала куртка, потом стало слышно улицу. Они молчали, пока у неё не перестали дрожать пальцы.

✦ ✦ ✦

Увидев дома пустую полку, на которой Павел оставил ей однажды книгу, Вера вспомнила его последний настоящий разговор. Не телевизионный, не записанный для архива: в коридоре у кофейного автомата он спорил о том, кому принадлежит чужое воспоминание.

— Я никому не принадлежу, — сказала она тогда.

— А твой архив? — спросил Павел.

— Компании. По документам.

— И содержимое?

— Что ты хочешь услышать?

— Может ли компания продавать человеку обратно его собственный страх?

Вера тогда отшутилась. Теперь на кухонном столе лежала копия закрытого интервью, которую кто-то явно пытался использовать именно так.

Она нашла старую визитку Вельского. Набрала номер, но не позвонила. Была слишком зла, чтобы говорить точно. Вместо этого открыла сообщение Павла о П-4, которое сохранила, и переписала вопросы на бумагу. Когда Михаил приехал вечером за документами, лист лежал отдельно от остальных.

— Это не мои сведения, — предупредила Вера. — Павел говорил мне о подозрениях. Если в архиве найдётся протокол, тогда проверим.

Михаил сел и прочитал. Вера стояла рядом, не выдерживая тишины.

— Я хотела уничтожить половину телевизионного архива, когда уходила. Казалось, так лучше для людей, которые там рассказывали о себе.

— Почему не уничтожила?

— Потому что записи могли понадобиться им самим. И потому что я не имела права решать за них.

— Ты сохранила копии?

— Только свои документы. Оригиналы остались у компании. Теперь боюсь, что некоторые стали товаром.

Михаил положил лист.

— Проверим путь конкретного файла.

— А если окажется, что я сама помогла открыть к нему доступ?

Михаил не стал говорить, что она ни в чём не виновата. Вера накрыла трубку ладонью, как будто так можно было удержать его молчание, и впервые за вечер позволила себе не спорить.

✦ ✦ ✦

Проверка Силина началась с куртки. На правой манжете белела полоса герметика, похожая на отметину фигуры с видео. Рабочий рассердился:

— У нас половина бригады заделывала швы из одной банки. Если хотите определить преступника по рукаву, придётся забрать весь гардероб фирмы.

Михаил попросил чек аптеки, данные проходной и сведения о сменах. Силин сообщил, что рабочая одежда общая, а у запасного выхода он действительно работал в субботу. Тогда дверь открывалась. Если позже её закрыли, сделал это другой человек.

К вечеру Вера отправилась в старый монтажный блок. В канцелярии ей сообщили, что заявку об отключении логина `VNESTEROVA` отметили выполненной. Но карточка пользователя в архивном справочнике имела статус «активен».

— Может быть, старая запись осталась после переноса, — осторожно сказала сотрудница. — Я не вижу здесь журналов действий.

Вера попросила не открывать ничего дальше и переписала номер заявки. На лестнице позвонила Михаилу.

— Моё имя до сих пор открывает архив.

— Ты входила?

— Нет.

— Правильно. Запросим журнал официально.

На экране её телефона оставался номер заявки на отключение учётной записи. Рядом — уведомление, что старый доступ по-прежнему действителен. Вера перепроверила последнюю цифру и убрала телефон. Её имя всё ещё открывало закрытые двери.

Интерлюдия I. Кассандра. Цена предупреждения

Ночью деревянный конь казался живым.

Конь не шевелился. От неподвижной деревянной громады пахло смолой и свежими стружками; так пахнут вещи, сделанные людьми, даже когда их объявляют дарами богов.

Кассандра подошла к его огромной ноге и положила ладонь на холодное дерево. Изнутри донёсся слабый звук.

Возможно, это скрипнули балки. Возможно, оружие задело дерево.

Она оглянулась. У ворот стояли стражники.

— В коне люди, — сказала она.

Один из воинов устало посмотрел на неё.

— Ты уже говорила.

— Тогда почему вы не проверили?

— Жрецы признали дар благоприятным.

— Жрецы не заглядывали внутрь.

Воин нахмурился.

— Царевна, возвращайся во дворец.

Кассандра посмотрела на город. Скоро начнутся празднества. Люди будут пить вино, славить богов и поздравлять друг друга с окончанием войны.

Она могла уйти. Закрыть дверь. Не видеть того, что случится.

— Дай мне факел, — сказала она.

— Зачем?

— Я хочу увидеть, что внутри.

Стражник переглянулся с товарищем.

— Тебе запретили приближаться к коню.

— Кто?

— Совет.

— А кто запретил вам думать?

Воин опустил глаза.

Кассандра протянула руку.

— Факел.

Он не дал. Тогда она выхватила маленькую масляную лампу из ниши у ворот, подошла к деревянной стенке. Пламя задрожало.

Сзади раздались шаги.

— Не смей! — крикнул стражник.

Кассандра подняла лампу. За тонкой доской могли сидеть вооружённые люди. Мог оказаться пустой тайник. Пламя лизнуло щель, и она отдёрнула руку: поджечь коня означало решить за весь город, что её страх сильнее чужой жизни.

Кассандра подняла лампу к доскам, увидела узкую щель и услышала дыхание.

Она отступила.

— Позовите плотников. Пусть откроют боковую стенку.

— Царевна…

— Я не прошу вас поверить в мои сны. Проверьте дерево.

Стражник не двинулся. Из города донеслись песни.

Она поставила лампу на камень и позвала плотников. Голос сорвался. Кассандра сглотнула и позвала снова: здесь требовались топоры, люди и время, а не ещё одно пророчество.

Она снова позвала стражу. Громче. Теперь у ворот начали собираться люди.

Глава 5. Право на ошибку

19–20 октября 2026 года.

Даниил Вельский хранил старый бейдж «Белой комнаты» в нижнем ящике стола, под квитанциями за электричество. На фотографии он был моложе и носил улыбку человека, которому всегда найдётся что ответить. Вера увидела бейдж прежде, чем он успел задвинуть ящик.

Вера пришла к нему вечером. На журнальном столике лежали газетные вырезки, фотографии со знаменитостями и старый бейдж «Белая комната. Эксперт-консультант».

— Красивое звание, — сказала она. — Ни за что не отвечаешь, но все ждут чуда.

— Ты пришла за извинениями?

— За рабочими тетрадями.

Вельский вынул из ящика чёрный блокнот. На одной из страниц стояло: «Повторный стимул может формировать уверенность при неясном источнике воспоминания».

— Ты это написал в 2014-м? — спросила Вера.

— Да.

— И показывал руководству?

— В общей форме. Меня просили не портить результаты сомнениями.

— А ты согласился.

Вельский смотрел на свои руки.

— Мне нравилось, что меня слушали. Контракты. Приёмы. Люди, которые благодарили за то, чего я не мог доказать. Я называл это возможностью помогать.

— А Аглае показывали все стимулы?

— Не всегда. Иногда я скрывал от неё, какие слова или изображения предъявляли перед ответом. Уверял себя, что защищаю её впечатление.

Вера закрыла блокнот.

— На самом деле ты защищал результат.

Он не возразил.

✦ ✦ ✦

У Вельского в кабинете стояло старое кресло с высокой спинкой. На телевидении его называли троном ясновидящего. В действительности кресло купили на распродаже гостиничной мебели; пружина у правого подлокотника давно вылезла наружу. Даниил всегда садился чуть левее, чтобы гости не заметили.

Вера потрогала потёртую кожу.

— Ты не выбросил даже это.

— Люди платили большие деньги за право посидеть напротив.

— За право услышать о себе то, что им и так было известно.

Даниил открыл ящик. Кроме тетради там лежал договор 2014 года. В приложении требовалось «обеспечить устойчивую положительную динамику точности описаний». Ни слова о том, что точность должна быть измерена до подсказок.

— Ты понимаешь, насколько нелепа эта формулировка? — спросила Вера.

— Тогда она показалась мне обязательством работать старательнее.

— И потом?

— Потом нашёлся первый участник, у которого результат становился лучше, когда мы повторяли упражнение. Продюсер аплодировал. Методист хотел ещё один опыт. Я хотел услышать, как меня назовут первым человеком, доказавшим невозможное.

На старой фотографии Аглая улыбалась, обнимая папку с договором. Вельский провёл пальцем по углу снимка. Тогда он поздравил её с первым эфиром и даже не спросил, спала ли она накануне.

— Она пришла после семейной ссоры, — сказал Даниил. — Дома считали её странной. Мы называли это особой чувствительностью. Я видел, как ей стало легче. Потом начал говорить себе, что маленькие методические вольности оправданы этим облегчением.

— Не называй её радость методической вольностью.

— Я и не называю. Вольностью была моя привычка выбирать только те результаты, которые поддерживали историю.

Вера попросила показать переписку методической группы. Он нашёл распечатку письма с вопросом: «Почему в итоговой форме отсутствует графа предварительного стимула?» Напротив стояла помета карандашом: «Не выносить на экран».

— Кто написал?

— Не помню.

— Кто распорядился?

— Возможно, я сам согласовал эту помету. Сейчас не собираюсь выдавать собственный почерк за чужой.

Вера дочитала признание Вельского. Её тянуло спорить с каждым вторым предложением. Вместо этого она отметила карандашом три даты и спросила, кто присутствовал за камерой в тот вечер.

✦ ✦ ✦

Во вторник утром Вельскому позвонил режиссёр передачи, где он должен был выступить через неделю. Тот предложил «смелый формат»: Даниил выйдет один, без Аглаи, и объяснит, почему она предвидела смерть журналиста, хотя не сумела её предотвратить.

— Вы хотите сделать её одновременно чудотворицей и виновницей? — спросил Вельский.

— Зрителю нужен конфликт. Вы можете защитить ученицу.

— Защита продаётся по минутам?

— Вы же знаете рынок.

Даниил действительно знал. Раньше он немедленно предложил бы удачную формулировку, в которой невинность Аглаи и её особый дар укрепляли бы друг друга. Можно было бы сообщить, что провидение всегда оставляет человеку свободу выбора. И завершить музыкальной паузой.

— Нет, — сказал он.

— Что «нет»?

— Я не буду обсуждать, почему она «не сумела предотвратить». Сначала нужно выяснить, что она знала и что произошло с Павлом.

Режиссёр начал говорить о контракте. Вельский попросил прислать его. Когда разговор закончился, Даниил открыл календарь. Там уже стояли три оплаченные встречи и ещё одна запись в студии. Первым движением он хотел перенести всё на следующую неделю. Потом заметил фамилии клиенток, чьи близкие умерли недавно. Каждая ждала от него не выступления, а разрешения перестать мучиться.

Он начал звонить сам. Не всем сумел объяснить отказ. Одна женщина закричала, что он отбирает у неё единственный шанс поговорить с мужем. Другая тихо сказала, что давно подозревала обман, но всё равно приходила, потому что там можно было плакать.

После последнего звонка Даниил сидел перед выключенным экраном. Его умение утешать оказалось настоящим. Ложным было право выдавать это умение за связь с мёртвыми. Ему предстояло научиться не путать эти вещи. Профессии для такого обучения не существовало.

✦ ✦ ✦

К концу дня Аглая устала от слова «ошибка» сильнее, чем от слова «чудо». Ошибка звучала так, будто достаточно зачеркнуть один неправильный ответ и начать с чистого листа. А как зачеркнуть двенадцать лет, в течение которых её благодарили за то, что она будто бы знала больше остальных?

Она взяла старую фотографию, где стояла рядом с Даниилом после первого большого эфира. За спиной толпились зрители. Женщина протягивала ей букет. На обороте было написано: «Вы вернули мне надежду».

Аглая вспомнила ту женщину. Её муж исчез в море. Аглая тогда сказала, что видит свет над водой. Женщина заплакала от облегчения: была уверена, что муж жив. Через три месяца нашли документы о гибели судна. Аглая не знала, что произошло с этой зрительницей после известия. Никогда не спрашивала.

Теперь она набрала телефон помощницы, которая вела старую переписку.

— У нас сохранились письма после тех передач?

— Часть. Зачем тебе?

— Хочу узнать, что происходило с людьми после того, как мы уезжали.

— Аглая, ты с ума сошла? Там тысячи сообщений.

— Тогда начни с тех, где люди жаловались. Не присылай мне их личные подробности без разрешения. Просто скажи, как устроены обращения и кто отвечает на них сейчас.

Помощница растерялась.

— Ты никогда не спрашивала.

— Знаю.

Аглая написала на листке: «Отказ от обещания не равен отказу от помощи». Прочитала вслух, сморщилась и зачеркнула. Затем открыла письма. Начала с того, в котором женщина просила найти телефон поискового отряда.

✦ ✦ ✦

Аглая сидела на полу возле дивана. Телефон не переставал светиться. Одни требовали назвать новую жертву, другие присылали фотографии пропавших людей, третьи называли её убийцей. Самым страшным оказалось письмо матери, у которой исчезла дочь: «Скажите хотя бы, жива ли она».

Аглая закрыла глаза и увидела синюю куртку у остановки. Потом заметила за собственным окном женщину в такой же куртке. Её память уже готова была выдать образ за указание. Она набрала телефон поискового отряда, уточнила порядок обращения и ответила: «Я не могу знать, где ваша дочь. Не ждите моего видения. Обратитесь в полицию и поисковую службу».

Вера привела Вельского. Аглая сначала отказалась говорить. Он не уговаривал, сел напротив.

— В 2014 году я не сообщал тебе о части предварительных подсказок, — сказал он.

— Что значит «не сообщал»?

— Тебе могли показать изображение до формального начала опыта. А потом мы называли твой ответ самостоятельным.

— Вы подсказывали?

Он поднял глаза.

— Иногда.

Она встала так резко, что чашка соскользнула со стола.

— Двенадцать лет вы говорили мне не сомневаться в первом образе. Значит, хотели, чтобы я не помнила, откуда он взялся?

— Я хотел, чтобы результаты получились.

Аглая отвернулась. Вера подняла чашку, поставила на место и принесла хлеб с сыром. Девушка посмотрела на тарелку с негодованием.

— Ты думаешь, едой можно исправить это?

— Нет. Но на голодный желудок у тебя появится ещё одна причина считать окружающих виноватыми.

Аглая рассмеялась и сразу расплакалась.

✦ ✦ ✦

После смерти Павла письма приходили не только Аглае. Даниил тоже получил просьбу от отца пропавшего мальчика. Мужчина приложил фотографию детского велосипеда и написал: «Скажите, стоит ли продолжать поиски. Вы ведь знаете, когда надежда бесполезна».

Вельский начал сочинять привычный ответ. Мягкое вступление. Фраза о тонкой связи. Просьба сообщить дополнительные подробности для «настройки». Пальцы сами двигались по клавиатуре.

Он остановился на слове «настройка» и перечитал черновик.

Сначала человек расскажет, где искал сына. Потом назовёт любимые игрушки. Затем Вельский, при желании, сможет вернуть часть этих слов под видом внезапного образа. Раньше он считал подобное уточнением контакта. Сейчас перед ним был точный чертёж того, как рождается власть над надеждой.

Он удалил письмо и позвонил по указанному номеру.

— Это Вельский, — сказал он, когда мужчина ответил.

— Вы посмотрели фотографию?

— Посмотрел. Я не могу сказать, где ваш сын. И не хочу, чтобы вы прекращали поиски по моему слову.

Тишина.

— Тогда зачем позвонили?

Даниил на секунду растерялся. Правильный вопрос, для которого у него не имелось сценического ответа.

— Чтобы вы услышали это от меня, а не от помощника. И чтобы спросить, какая помощь нужна сейчас.

Мужчина назвал адрес поискового штаба. Объяснил, что не хватает транспорта для поездки добровольцев в пригород. Вельский записал данные, попросил проверить реквизиты через официальную группу и пообещал связаться с координатором.

Когда положил трубку, долго сидел перед фотографией. Раньше такую беседу он счёл бы профессиональным провалом. От него ждали чуда, а он предложил автомобиль. Но в первый раз его помощь могла существовать независимо от того, поверит ли незнакомец в дар.

Аглая, которой он позднее рассказал об этом, не стала благодарить.

— И что? — спросила она. — Мне теперь аплодировать за одну честную беседу после тысячи удобных?

— Нет.

— Тогда не рассказывайте мне это как искупление.

— Не рассказываю.

После звонка Вельский не поднял трубку снова, хотя палец по привычке нашёл нужный контакт. Он поставил телефон экраном вниз и остался сидеть напротив пустого кресла. Впервые за вечер никто не просил его объяснить невозможное.

✦ ✦ ✦

Вера позвонила Карташовой — бывшей сотруднице «Белой комнаты», с которой когда-то постоянно спорила из-за монтажа. Ольга ответила на четвёртый гудок.

— Если ты опять хочешь, чтобы я объяснила телезрителям, почему мы брали крупный план, то выбери кого-нибудь другого.

— Я хочу узнать, помнишь ли ты эксперимент П-4.

Пауза затянулась.

— Кто спрашивает? Нестерова или следствие?

— Пока Нестерова. Для следствия будет отдельный запрос.

— Тогда я ничего не помню.

— Оля, погиб человек.

— Я слышала. И слышала, что все теперь ищут виновного в старых съёмках. В 2014 году мы были исполнителями. Ты подписывала результат.

Вера почувствовала, как знакомо звучит обвинение.

— Да. Подписывала.

На другом конце стало тихо.

— Ты даже не будешь спорить?

— Нет. Но теперь спрашиваю не о том, кто из нас хуже. Были ли в протоколе графы, которые потом исчезли?

— Были. Кажется, не всегда. Я не отвечу по памяти. И не хочу, чтобы через неделю моё «кажется» показывали как признание.

— Тогда сохрани документы, если у тебя есть. И разговаривай со следствием официально.

Ольга неожиданно спросила:

— А ты сама хорошо помнишь ту осень?

— Нет. Некоторые дни помню только по собственным производственным сводкам.

— Вот и я. Тогда мы считали, что составляем чужую память для зрителя. А выясняется, что собственной у нас не сохранилось.

Вера записала Кравцову: «Карташова помнит разные рабочие формы, но без архива не назовёт отличия. Нужно вызвать официально». Сообщение вышло сухим, без единого слова о том, какой неприятный разговор ей только что пришлось пережить.

✦ ✦ ✦

Двадцатого октября Кравцов получил данные старой учётной записи. В 15:54 семнадцатого октября под логином `VNESTEROVA` обращались к архиву. В 16:02 возникло задание печати `WR_2014_PREDICTION`. Между этими отметками, в 15:58, конверт Аглаи запечатали при свидетелях.

— Вот доказательство, что текст распечатали для ясновидящей, — предположил молодой специалист.

— Печать произошла позже, — заметил Михаил. — Чем лист, появившийся после запечатывания, мог вызвать уже написанный текст?

Специалист смутился.

— Задание могло относиться к другой копии.

— Тогда сначала установим содержание. Название файла — плохой свидетель, особенно у телевизионщиков.

Вера принесла акт увольнения. Логин должны были закрыть ещё в 2022 году. Она показала дату подписи, потом собственный календарь: в субботу в 15:54 находилась в комнате подготовки, хотя камера не фиксировала её непрерывно.

— Я готова отвечать за то, что делала, — сказала она. — Но не за каждое действие человека, который присвоил мой логин.

— Нам нужно доказать, кто именно входил, — ответил Михаил.

— А если никогда не узнаем?

Он не обещал невозможного.

✦ ✦ ✦

Кравцов беседовал с архивным специалистом, который принёс журнал доступа к рабочей станции. Мужчина был ещё молодым, но за два часа успел трижды объяснить следователю, что цифровой след невозможно понять без учёта того, как устроена система.

— Под логином Нестеровой работали? — спросил Михаил.

— Совершались операции. Это разные утверждения.

— Покажите разницу на примере.

Специалист открыл тестовую карточку. Один процесс запустил от имени служебной записи и показал журнал. В графе «пользователь» появилось ожидаемое имя. За клавиатурой сидел он сам.

— Вот. Теперь я могу создать ещё один процесс, который обращается к файлу автоматически. Имя сохранится прежнее. И следователь, увидев только строку, решит, что хозяйка аккаунта нажимала кнопку.

— А как установить действовавшего человека?

— Нужно сопоставить физическое рабочее место, сеанс, устройство, пропуска, камеры, клавиатурную активность, административные задачи. И не везде сохранились все источники.

Михаил попросил перечислить возможных владельцев технических полномочий. Список оказался длиннее, чем ожидалось. Рядом с Лариным стояли другие администраторы, подрядчики, сотрудник миграции архивов.

— Мы проверим всех, — сказал Кравцов.

— Это займёт время.

— После смерти журналиста время уже дорого стоит.

Специалист не ответил. Показал на строку 16:02, связанную с заданием печати.

— Название здесь запоминающееся: `WR_2014_PREDICTION`. Многие захотят объявить, что нашли оригинал пророчества.

— А вы?

— Пока не знаю, содержало ли задание тот самый лист, служебную заметку или пустой бланк. Принтер хранит название, но не всегда содержание.

Михаил отложил таблицу и попросил отдельно сохранить историю запроса. В соседнем кабинете уже спорили о том, что «виновата Нестерова». В этой комнате никто ещё не мог даже подтвердить, нажимала ли она клавишу.

Позднее Вера принесла акт об увольнении, и они сравнили дату распоряжения с поздними входами. Она смотрела на монитор как на собственную биографию, которую кто-то продолжил писать без её участия.

— Значит, меня можно было сделать виновной почти без усилий?

— Твоей записью могли воспользоваться. Назвать человека, который её открыл, по одному имени в журнале нельзя.

— Когда-нибудь ты всё-таки утешишь меня без слова «доказать»?

— Возможно, после работы.

Она усмехнулась. Затем закрыла документ. Продолжать этот разговор им было пока страшнее, чем спорить о логах.

✦ ✦ ✦

Кравцов приехал вечером к Вере не за документами. Она открыла дверь и удивлённо посмотрела на пустые руки.

— Папки нет?

— Сегодня нет.

— Может, забыл в машине?

— Нет.

Они сидели на кухне и говорили о вещах, которые не имели отношения к телевидению. Об Александре, выбравшей летний курс журналистики. О книгах, которые Вера покупает быстрее, чем читает. О том, как Михаил однажды перепутал родительское собрание с заседанием комиссии и пришёл в школу с таким лицом, что директор несколько минут объяснял ему невиновность учителей.

Вера рассмеялась. Михаил смотрел на её лицо и не спрашивал, что означают слёзы у ресниц.

— Я боюсь, — сказала она, когда смех прошёл, — что однажды узнаешь обо мне всё из старого архива. И перестанешь так сидеть рядом.

— В архиве нет всего.

— Ты уверен?

— Там записано, что ты говорила на работе. Не записано, что сделала сегодня, когда Аглая попросила помощи.

Она посмотрела на него.

— Я ведь тогда понимала, что мы иногда искажали смысл. Не все случаи. Но некоторые.

— Ты сможешь рассказать об этом по документам.

— Могу. Только страшно.

Он взял её за руку. Вера не отвела взгляда.

— У меня к тебе просьба, — сказал Михаил. — Не пытайся стать идеальным свидетелем собственной жизни. Говори то, что помнишь. И не достраивай остальное ради меня.

Когда Михаил ушёл, Вера оставила ноутбук закрытым. На плите закипел чайник. Она взяла телефон, набрала ему: «Ты добрался?» — и перед отправкой впервые не стала подбирать интонацию.

✦ ✦ ✦

На следующее утро Вельский приехал в бывшую студию, чтобы забрать коробку личных вещей. В коридоре встретил уборщицу, работавшую там ещё в 2014 году. Она узнала его сразу и обрадовалась.

— Ой, Даниил Аркадьевич! А вы помните маленькую девочку, которая всё время просила яблоки?

Он не понял, о ком речь.

— Соня, — подсказала женщина. — Она говорила, что телевизор слишком громкий. Я ей яблоко приносила из столовой. Очень смешная была.

Даниил почувствовал стыд. Он помнил номер упражнения, свет в студии, собственный костюм. Не помнил девочку, которую кто-то кормил яблоками в ожидании съёмки.

— Помните, когда она последний раз приходила? — спросил он.

Уборщица задумалась.

— Не поручусь. Тогда дети часто бывали. У нас в журнале вахты отмечали посетителей. Может, осталось.

— Не ищите сами. Если знаете, где журнал, скажите следователю.

— Что вы. Я думала, вы сами всё видите.

Раньше на такую фразу у него нашёлся бы блестящий ответ. Теперь он сказал:

— Оказывается, очень мало.

Он дошёл до своего кабинета. На вешалке ещё висел старый шарф для выступлений. Взял его, понюхал: пыль и духи. Когда-то надевая этот шарф, он чувствовал себя человеком, имеющим доступ к чужим судьбам. Сегодня вспомнил ребёнка с яблоком, которого не сумел удержать в памяти. Он положил шарф обратно. Пусть пока висит там, где был.

✦ ✦ ✦

Вельский прислал Аглае перечень сохранившихся материалов: носители, даты, отметки о копиях. Она ответила: «Нужны оригиналы и порядок предъявления». Он распечатал спи-

сок, подписал и переложил диски в отдельные конверты. У одного отсутствовала дата; Даниил оставил пустую строку, не пытаясь восстановить её на память.

✦ ✦ ✦

Вельский добровольно передал старые записи. На допросе говорил без обычных афоризмов.

— У меня были сомнения в методике. Я их не довёл до конца.

— Почему?

— Потому что они плохо сочетались с репутацией человека, который видит невидимое.

— Сейчас считаете, что Аглая сознательно подделала предсказание?

— Нет. Я не знаю, откуда она получила все сведения. Но знаю, что кое-какие образы мы показывали ей задолго до воскресного эфира.

Вера после встречи достала копию списка методических групп. Среди слов «Повторное предъявление», «Контроль источника» и фамилий участников встретилось сокращение «П-4». Название «Нулевая подсказка» пока ничего не разъясняло, только обещало важную связь.

Вечером Вельский обнаружил на домашнем автоответчике сообщение, которое собирался удалить не прослушивая. Говорила женщина, участвовавшая в одной из первых «Белых комнат». Голос был таким ровным, что содержание дошло до него лишь со второй попытки: «Вы тогда сказали, что он меня простил. Я знаю, вы не можете этого знать. Но с того дня я боялась перестать вам верить». Она не назвала себя. И не попросила ответить.

Он открыл старую папку с отзывами. Тогда письма разделяли на две стопки: пригодные для рекламы и остальные. Рекламные хранились в красивой коробке с логотипом программы. Остальные — в пакете из продуктового магазина. Вельский отыскал в нём листок с похожей историей. Женщина писала о погибшем муже. Просила не показывать её лицо. На полях редактор оставил заметку: «Сильный материал. Снять эмоциональную реакцию после сеанса».

Вельский поднёс карандаш к старой пометке, задержал кончик над бумагой. След от грифеля уже был виден. Он отложил карандаш, положил письмо в конверт и написал сверху дату отказа в новом использовании записи.

Затем позвонил Кравцову.

— У меня есть письма участников, — сказал он. — Не знаю, имеют ли они отношение к убийству. Но они показывают, что мы обещали людям.

— Не пересылайте их целиком по электронной почте, — ответил Михаил. — Сначала составьте опись. Потом определим, что относится к делу и какие ограничения действуют.

— Вы всегда так безнадёжно практичны?

— Сегодня да.

После разговора Вельский долго сидел перед двумя кучками бумаги. Ему впервые не хотелось выбирать ту, из которой можно устроить красивый вечер. На телефон пришло новое сообщение от организатора выступления. Тот просил свежую историю «с неожиданным признанием» и гарантировал выгодный гонорар.

Вельский ответил, что прежде должен проверить право участников на молчание. Организатор перезвонил сразу, назвал решение странным и попросил назвать хотя бы одну фамилию. Вельский не назвал. Он впервые заметил, каким удобным служебным словом было «контакт»: им можно было обозначить и общение с умершим, и телефон живого человека, чьи границы никого не интересовали.

Она показала лист Кравцову.

— Что, если кто-то готовил для Аглаи не слова на бумаге, а ощущения, которые она примет за собственные?

Михаил посмотрел на страницу.

— Тогда важно узнать не только кто подсказал, но и кто потом воспользовался её уверенностью.

Вера провела ладонью по обложке папки. Там всё ещё значилось «Испытуемые». Она помнила, как легко произносила это слово двенадцать лет назад.

Глава 6. Испытуемая

20 октября 2026 года.

На двери Аглаи красной краской вывели: «ТЫ ЗНАЛА». Последняя буква сползала к полу, словно сама краска устала держаться на месте. Аглая простояла перед надписью, пока за соседней дверью не щёлкнул замок.

Соседский мальчик спросил, почему тётя убийца. Мать потянула его к лестнице, не оглянувшись. Аглая вошла в квартиру с пакетом мусора в руке. Пакет надорвался у ручки; она поставила его на коврик, собрала рассыпавшиеся бумажки и только потом поняла, что дрожит.

Вера приехала с фотографиями подъездной двери и настояла на заявлении об угрозах. Потом приготовила завтрак. Аглая молчала, пока та не поставила тарелку перед ней.

— Ты всем приказываешь есть, когда им страшно?

— Только тем, у кого страх пытается заменить завтрак.

Они сохранили сообщения с угрозами и попросили управляющую организацию не перезаписывать подъездную камеру. Журналисты уже стояли внизу. Один записал интервью с соседом и превратил слова «она всегда здоровалась» в материал «СТРАННЫЕ ПРИВЫЧКИ ЯСНОВИДЯЩЕЙ».

Вера вышла к ним.

— Вы подтверждаете, что она знала о гибели? — спросил репортёр.

— Подтверждаю, что она написала текст и пыталась отговорить Рябинина от съёмки. Всё остальное проверяют.

— Почему не отвечает сама?

— Потому что сейчас у её двери угрозы, а не журналистская редакция.

Она вернулась, не дав интервью о собственной старой работе. Аглая удивилась: прежде Вера умела превращать любой разговор в пригодный для эфира материал.

✦ ✦ ✦

Надпись на двери не исчезла, когда приехал участковый. Он сфотографировал её с двух сторон, записал объяснения, попросил назвать свидетелей. Соседка, проходившая с сыном, сначала отказалась говорить. Потом остановилась у лестницы.

— Я видела человека ночью, — сказала она. — Он стоял у почтовых ящиков. Но лица не рассмотрела.

— В котором часу?

— После полуночи. Я ходила за лекарством. Сын температурил.

Аглая посмотрела на мальчика. Тот прятался за мать, виновато поглядывая на надпись.

— Простите, что он сказал утром, — добавила соседка.

— Он повторил услышанное, — ответила Аглая.

— Я ему ничего такого не говорила.

— Возможно, услышал в телефоне у кого-нибудь. Сейчас это обсуждают повсюду.

Мальчик поднял глаза.

— А вы умеете видеть будущее?

Аглая собиралась сказать привычное «иногда». Но остановилась.

— Иногда мне так казалось. Сейчас я проверяю, откуда брались мои ответы.

Он нахмурился.

— Значит, ещё не умеете?

— Наверное, учусь другому.

— Чему?

— Не пугать людей, если сама не уверена.

Мальчик посмотрел на надпись.

— А кто это сделал?

— Не знаю.

— Это плохо.

— Да.

Он подумал и достал из кармана салфетку. Попытался стереть красную букву, но краска уже высохла. Мать потянула его за руку. Аглая присела.

— Не надо. Мы найдём мастера, он перекрасит.

Мальчик спрятал салфетку.

После ухода полиции Вера спросила Аглаю, зачем та разговаривала с ребёнком об ошибках. Можно было ответить проще — что его дело не касается.

— Он уже услышал, будто я убийца, — сказала Аглая. — Не хочу, чтобы единственным человеком, который говорит с ним спокойно, оставался телевизор.

Вера вспомнила, как предлагала на совещании детские вопросы к экстрасенсам. Руководство хвалило «непосредственность». Сейчас рядом с ней сидела женщина, которая в детстве унесла такие слова домой и стала проверять ими каждый день своей жизни.

✦ ✦ ✦

Когда к подъезду приехала служба, согласившаяся убрать краску, Аглая не вышла прятаться за дверь. Встала рядом с мастером, пока тот подбирал оттенок.

— Кто-нибудь видел того, кто писал? — спросил он.

— Неясно. Полиция проверяет.

Мужчина покачал головой.

— Сначала соседка просила вас пригласить на день рождения, чтобы узнать, как её внучка сдаст экзамены. Теперь шепчет, будто вы опасны.

— А вы?

Он повёл кистью.

— Я крашу дверь. За ваше будущее мне не платят.

Аглая засмеялась. Мастер оказался первым посторонним за несколько дней, кто ничего от неё не хотел.

Вскоре подошла соседка. Та самая, что утром увела сына. Она принесла пакет с печеньем.

— Мальчик просил передать. Сказал, что вам трудно.

Аглая взяла.

— Спасибо.

Женщина переминалась.

— Вы всё-таки не могли бы сказать, возьмут ли его в хороший лицей?

Мастер опустил кисть.

Аглая взглянула на печенье, на красное пятно, почти скрытое свежей краской. Можно было ответить обтекаемо: «Я вижу дорогу, которая откроется». Соседка ушла бы благодарной. Завтра привела бы подругу.

— Я не могу этого знать, — сказала Аглая. — Но есть подготовительные занятия. Могу помочь найти сведения.

Соседка смутилась.

— Вы же раньше говорили иначе.

— Раньше я слишком часто отвечала на вопросы, на которые не имела ответа.

Женщина ушла, прижимая к груди пустой пакет. Аглая не знала, вернётся ли та ещё. Улыбка мастера была едва заметной.

— Красиво отвечаете, — сказал он.

— Учусь говорить некрасиво, если так честнее.

Он закончил красить букву «А». От надписи почти ничего не осталось. Аглая посмотрела на дверь. Завтра краска высохнет, но она помнила каждое слово, стоявшее под ней. Исчезновение следа не означало исчезновения случившегося.

✦ ✦ ✦

Они разложили бумаги «Белой комнаты» на столе. В одном упражнении три колонки: «Первичный ответ», «Предъявленный стимул», «Повторный ответ». В другом, итоговом, оставался только последний.

— Я помню, как нас просили описать первое впечатление, — сказала Аглая.

— А показывали ли до этого фотографии?

— Иногда. Но я думала, это просто подготовка.

Вера достала карточку П-4. Первый ответ звучал: «Темно. Что-то высокое». После предъявления металлической конструкции повторный ответ уже содержал воду, лестницу и человека. Номер испытуемой в этом листе был закрыт; нельзя было без описи назвать Аглаю.

— Значит, меня сделали ясновидящей из фотографии, — сказала она.

— Пока знаем только, что так могло произойти с некоторыми ответами. Не подменяй одну готовую версию другой.

Аглая отодвинула лист.

— Ты говоришь так, будто сомневаться легко.

— Нет. Я знаю, сколько стоит потерять профессию, которая объясняла тебе собственную жизнь.

Обе замолчали.

✦ ✦ ✦

Они устроили опыт прямо на кухне. Не для того, чтобы определить, есть ли у Аглаи дар. Вера хотела показать различие между первоначальным ответом и ответом после подсказки.

Положила в непрозрачный конверт открытку. Не позволила Аглае смотреть.

— Опиши, что представляется.

— Смешно, — сказала Аглая.

— Правильно. Так должно быть смешно. Мы сейчас не в лаборатории и не снимаем шоу.

Аглая закрыла глаза.

— Что-то светлое. Окно. Возможно, вода.

Вера записала слова, показала запись подруге и перевернула лист. Затем начала говорить о путешествиях, о старом доме у моря, где когда-то отдыхала с матерью. Не называла открытку и ничего не показывала.

Через пять минут вернулась к вопросу.

— Теперь?

— Стекло. Берег. Лодка.

Вера достала открытку. На ней оказался железнодорожный вокзал.

Аглая смутилась.

— Я всё неправильно сказала.

— Не об этом речь. У тебя появился берег после разговора о море. Ты сама заметила?

— Нет.

— А если бы я открыла конверт и выбрала из картинки только окно вокзала? Могла объявить частичным попаданием.

Аглая посмотрела на открытку.

— И зрители решили бы, что я увидела окно, хотя я это слово сначала вообще не говорила.

— Именно.

— Подожди. Я сказала «окно» до разговора.

Вера сверилась с листом. Там действительно стояло «окно».

— Верно. Я бы ошиблась, объявив это подсказкой. Поэтому и записывали оба ответа.

Аглая неожиданно рассмеялась. Вера перепутала две карточки и тут же сама это признала. Никто не предложил замять ошибку ради красивого результата; её просто записали.

— Давай повторим, — предложила она.

— Нет. Если повторять до красивого результата, мы вернёмся туда, откуда пришли.

Аглая открыла синюю тетрадь и приписала рядом с «вода, металл»: «Что мне показывали до ответа?» Долго разглядывала собственный почерк, потом захлопнула тетрадь.

Вера собрала со стола листы. В дверях появилась соседка: принесла банку краски, найденную у мужа. «Осталась после ремонта», — сказала. Аглая поблагодарила. Окружавший её дом, вчера казавшийся враждебным, неожиданно оказался местом, где люди способны принести краску без всякого пророчества.

✦ ✦ ✦

Марина Белова впервые услышала о публичных угрозах Аглае из программы, где сама когда-то участвовала. Телеведущий уверял, что «народный гнев» неизбежен после исполнения пророчества. Марина выключила экран. Затем посмотрела на старые семейные фотографии, расставленные вдоль окна.

Марина долго считала Аглаю женщиной, которой известна судьба Сони. В старой передаче лицо ясновидящей было спокойно и крупно снято, а Маринино дрожало где-то на краю кадра. Теперь выяснялось, что до этого спокойного ответа могли быть подсказки.

Марина открыла ноутбук, нашла страницу Аглаи и начала писать: «Если вы ничего не знали, почему не признались раньше?» Стерла. Попробовала снова: «Вы помните, что сказали моей матери?» Стерла и это. Любой прямой вопрос требовал от Черновой вспомнить то, что Марина сама уже не могла надёжно восстановить.

Она взяла зелёный блокнот Сони. На странице с делами была фраза: «Не давать взрослым врать». Марина коснулась букв.

— Я и не даю, — сказала она в пустую комнату.

Но потом поняла, что иногда ложь начинается не с обмана. С того, что человек слишком хочет оказаться уверенным.

Марина позвонила матери.

— Мам, ты помнишь, кто первым сказал, что Аглая велела прекратить поиски?

— Ты.

— А до передачи?

Мать долго молчала.

— До передачи ты говорила, что не уверена.

Марина села. Она не ожидала услышать это так спокойно.

— Почему же мы потом стали говорить иначе?

— Потому что все вокруг повторяли. И потому что без объяснения было ещё страшнее.

Марина записала: «Возможно, я помню не слова Аглаи, а повторный вопрос редактора». Она оставила под фразой место для даты и подписи — на случай, если найдётся первая запись.

✦ ✦ ✦

Вечером Вера принесла Аглае пачку фотографий с первого сезона «Белой комнаты». Просила не открывать сразу, но Аглая настояла: «Если я боюсь этих листов, не значит, что они перестали существовать». На одном снимке она стояла возле светлого фона, держа закрытый конверт. На другом — ждала команды оператора, опустив плечи. Третью фотографию сделали случайно: молодая Аглая засмеялась, когда помощник уронил отражатель.

— Я не всё время была испугана, — сказала она.

— Нет. Мы много смеялись.

— Ты помнишь, чем меня тогда рассмешили?

— Нет.

Аглая коснулась края фотографии.

— Я тоже. Но смех был настоящий. Не хочу, чтобы выяснение чужих подсказок уничтожило и его.

Вера кивнула. Они договорились сохранить снимки отдельно от доказательственных материалов: изображения могли понадобиться для установления хронологии, но не каждое воспоминание превращалось в предмет следствия. Потом Аглая собрала фотографии в конверт без торжественной контрольной полосы. Положила его в шкаф. Не потому, что хотела скрыть. Просто там лежали её вещи.

✦ ✦ ✦

Кравцов пришёл по предварительной договорённости. Осмотрел документы в присутствии хозяйки и уточнил историю их хранения. Не объявлял найденную карточку признанием Аглаи и не пытался получить воспоминания повторением наводящих вопросов. Она была удивлена: следователь иногда предпочитал не задавать вопрос, если ответ мог стать хуже от самого вопроса.

В отдельной папке оказалась фотография Аглаи с конвертом из 2014 года. Она выглядела счастливой. Вельский стоял за её спиной, чуть наклонив голову, как учитель на вручении диплома.

— Тогда я впервые перестала чувствовать себя странной, — сказала Аглая. — Мне говорили, что я умею то, чего другие не могут.

Михаил положил снимок.

— В деле важнее установить, что именно делали вы и что делали с вами.

— А вы верите в мой дар?

— У меня пока нет оснований ни подтвердить, ни опровергнуть его существование. Зато есть люди, которые кричали о помощи.

Она кивнула. Это был болезненный ответ, но не унизительный.

✦ ✦ ✦

Кравцов предложил проверить старые карточки у независимого специалиста по памяти. Не для того, чтобы определить, «верит ли Аглая в собственные видения», а чтобы понять, какие выводы допустимы из структуры интервью.

Женщина-психолог, приглашённая для консультации, несколько минут рассматривала три колонки.

— Вы спрашиваете, способна ли подсказка влиять на последующее описание? Разумеется. Но без оригинальной записи мы не знаем, как именно здесь задавали вопросы.

— То есть результат нельзя признать ни чудом, ни обманом?

— Можно признать, что итоговый документ неполон. Этого достаточно, чтобы не использовать его как самостоятельное подтверждение необычной способности.

Аглая присутствовала при разборе своих добровольно переданных записей и слушала молча. Потом попросила дать ей посмотреть лист, где вместо имени стоял код.

— А можно установить, кто это?

— По реестру, если сохранился и если есть законное основание его использовать, — ответила специалист.

— Я ведь всё время думала, что в архиве мои победы.

— Архив хранит действия людей. Победы и поражения вы уже придумали сами.

Женщина спросила Аглаю, не замёрзла ли она, и принесла второй плед. Аглая поблагодарила; никто не попросил её увидеть будущее.

После разговора она вышла во двор. Двое подростков узнали её. Один поднял телефон.

— Скажите, кто из нас сдаст экзамен?

— Тот, кто будет готовиться, — ответила Аглая.

Они рассмеялись. Второй спросил серьёзнее:

— А если я уже провалил пробник? Мне вообще имеет смысл идти?

Аглая хотела спросить подростка, что он видит в будущем. Прикусила язык. Перед ней стоял мальчик, которому сейчас требовалось пережить экзамен, а не услышать чужое пророчество.

— Покажи, где ошибся. Может, не хватает темы, а не судьбы.

Парень не ожидал такого ответа. Потом достал тетрадь. Они просидели на скамейке десять минут, разбирая два задания, пока приятель снимал их для шутки. Перед уходом Аглая попросила не выкладывать ролик без согласия всех, кто попал в кадр.

— Вы правда изменились? — спросил первый.

— Надеюсь. Но это можно проверить только тем, что я буду делать завтра.

Когда она вернулась домой, телефон снова мигал угрозами и просьбами о чуде. Она выключила уведомления, села за стол и написала заявление на доступ к собственным данным старого проекта. Сначала хотела просить Веру сделать это вместо неё. Потом решила подписать сама.

✦ ✦ ✦

Вера попросила Аглаю рассказать, как она запомнила первое занятие Вельского, не заглядывая в тетрадь. Та вспомнила небольшой зал, портрет на стене, резкий свет из окна и голос: «Не бойся первого образа».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.